

Becoming a mother. The work of care in contemporary
capitalism.
Становясь матерью. Работы заботы в современном
капитализме

Становясь матерью.
Роль заботы в современном капитализме

Becoming a Mothers.
The Work of Care in Contemporary Capitalism

Мы не можем себе вообразить производство ценностей и знания, вне форм воспроизводства всей жизни. Очевидно, что функции женщины-матери не могут быть ограничены простым биологическим воспроизводством жизни. Сегодня, как и раньше они определяют и производство субъективности. Несмотря на это труд, матери и ее роль в обществе постоянно исключались из старых концепций производства и сил социальных преобразований.

Интернациональная забастовка женщин, Комитет Солдатских Матерей в России, Матери площади de Mayo в Буэнос-Айресе и множество других организаций появившихся в последнее время - это движения матерей, которые осознали себя, как важную коллективную силу преобразований общества. Задача сегодняшнего дня – пересмотреть роль матери в производстве и политике. Дети ограничивают своих матерей, они мешают их работе даже в условиях традиционной занятости. Так как же они могут осуществить свою социальную и политическую реализацию, если современная экономика принуждает их быть все более и более эффективными, гибкими, легко менять место работы, проживания, профессию и стиль жизни вообще? Что значит быть матерью и, в тоже время, быть художником, поэтом, куратором – производителем экономики, основанной, прежде всего, на циркуляции и эксплуатации знания?

Через рутинную, каждодневную практику, мать получает большой новый опыт знаний и умений, которые, будучи воплощены в ее социальной и профессиональной деятельности, могли бы решительно изменить их смысл. Но, к сожалению, вместе с материнством, женщина получает большую порцию инерции, призванную стабилизировать ее. Как преодолеть инерцию материнства? Какие нужно создать условия, что бы предоставить ей возможность действовать не только внутри семьи, что необходимо, но и вовне, в широком спектре социальных и политических связей?

Задача сегодняшнего дня – не просто найти компромисс между профессиональной активностью и материнством (понятым широко как функция, которая может и должна делится с мужчинами) , а искать другие возможности их творческих отношений. Вообразив разрешение этого конфликта, мы сможем найти новые пути для преобразований общества в целом.

В современном пост-фордиском мире, где разрушаются традиционные представления о семье и работе, люди все более теряют привычные формы безопасности, социальной защищенности. Эти процессы происходят с разной скоростью, но во всех странах. Возможно ли, принять вызов этих новых условий производства всей жизни (биополитический характер новой власти) и революционализировать консервативный по своей природе труд и образ жизни матери, сделав его той силой, которая способна подорвать существующий, «мужской» порядок вещей?

Цапля и Дмитрий Виленский

Tsaplya and Dmitry Vilensky, translated by David Riff

On fear and bravery

It must have been on the third day that fear entered my body. Like water, like being washed over by a tidal wave. Why did not anyone tell me? To have a child is to fear in a new way. Frozen by responsibility, the little body so fragile, that I might hurt although I do not want to. And I have to carry, carry, carry the child. First, in my arms, and then, in my heart, a full lifetime.

But soon enough, days with the baby follow each other like beads on a rosary. A day, and yet another one. We move into the world, the baby on my hip, and me, writing, talking, planning. Do you remember what it was like to be twenty, or ten? I ask myself. You loved daydreaming. You were a dreamer. Now you work, and you have a baby to support. You carry the baby into your working life, through the role of the creator – the practically minded dreamer

О страхе и смелости

Где-то на третий день в теле моем поселился страх. Будто вода, будто захлестывает волнами прилива. Почему никто не рассказывал мне об этом? С рождением ребенка начинаешь бояться как-то по-новому. Останавливает ответственность: маленькое тельце такое хрупкое, я могу совершенно нечаянно ранить его. И я должна носить, носить, носить ребенка. Сперва на руках, а затем - в сердце, всю жизнь.

Но уже вскоре дни с малышом бегут один за другим словно четки при молитве. Еще день, и еще один. Мы входим в мир: малыш в моих руках и я - мы пишем, говорим, планируем. Ты помнишь себя в двадцать, в десять? Я спрашиваю себя. Ты любила мечтать. Ты была мечтателем. Теперь ты работаешь, ты должна обеспечивать ребенка.

Иоанна Санделл (1972), куратор и директор выставочного зала Botkyrka Konsthall, мать двоих детей

перевод Сергея Огурцова

Это оттого, наверно, что я не думаю о себе совсем, у меня как бы нет центра в позитивном смысле, нет центра, нет и авторитарной диспозиции.

Странно, тем больше я общаюсь с тобой, тем ты становишься все красивее.

Hi! It's strange. The more I hang out with you, the more beautiful you are to me...

- That's probably because I'm not thinking of myself at all; I don't have an authoritarian center...

Привет! Над чем трудимся, новый проект?

Я работаю над проектом новой институции, где структура развивается подобно структурам любовных отношений...

- What are you working on? A new project?
- I'm working on a project for a new institution

whose structure of relations will develop like the relational structures of love.

Marina Vishmidt | All the virgin eyes of the world are made of glass

“Up to now, no policy has been developed for researchers who become pregnant during their research period. In reality, there is a need for such policy.”
Policy Board Minutes, Jan van Eyck Academie, October 2007

A becoming-mother’s work is never done

In thinking about motherhood in relation to the manifold of contemporary work, we are waylaid at once by diverse paths and traps: the mother as the prototypical subject of always-on exploitation (with its attendant risks of central subject and subjectivised narrative of capital’s shifts); the production of motherhood as a growth industry and a moral panic (with its attendant risks of hearkening back to an authentic free-range motherhood prior to the strictures of the nanny state). In 1979, Mary Kelly materially extracted nature from motherhood by showing it as from the beginning inscribed into language, in her case the language of the laboratory and Lacan. But motherhood, or the figure of the mother, can also be de-naturalised by attending to its positive production within capital, as the alibi of impersonal exchange, the reservoir of the qualities to humanise impersonal exchange, to produce a worker inured to the “personalised domination” and the glad sacrifices of the outsourced workplace, whether we’re talking union-free companies or the worker’s body. As Mariarosa Dalla Costa and Selma James delineated some time ago, housework does not exist in a vacuum. They pointed out very prettily how the system of capitalist wage labour is unsustainable, unthinkable, without the unwaged labour of reproduction, or, production of labour power. But nowadays, when Wages for Housework can ignominiously be said to be achieved through the booming domestic service industry, [1] the perspective needs to be adjusted somewhat. Care labour is global big business, economically and symbolically. The division of labour it enacts is endemic, and cannot be isolated from the more general advance of vulnerability in state and informal networks of social provision. Rather than performing what would seem to be by now ritualistic analyses of how qualities conventionally assigned to motherhood – patience, docility, self-sacrifice – now become templates for the model worker, it might be interesting to see what the effects of breaking down the social role of the mother as such would imply for the social organisation of labour and command. Without being hemmed in by the untenable political or conceptual hiatus between care as compensatory and care as revolutionary, we could start to connect the division of labour to the production of individuality, the production of individuality to the commodity form, and back again to the individual as the sustaining myth, and the utopian promise, of the general equivalent, a parallel trope to the free investment of time and affect that neither desires nor receives monetary recognition. This is the time-honored ambit of the mother. Ultimately, it starts to look like the topology of ‘desiring production’ in the land of the value form, thus it might be useful to mark out a few rough contours to the discussion. If we look at motherhood as a description of a particular mode of social organisation, first we need to address the individual as an economic category, with ‘economic’ in its myriad senses.

In order to further ground this operation, there may be a point to briefly observing that motherhood cannot be re-negotiated within capitalist social arrangements, or only in the most cosmetic way and for the most privileged of social groups, for the reason that everything in capitalism can be de-naturalised except the law of value. The extraction of value can only be displaced; say, from stay-at-home mothers to immigrant nannies, de-territorialised, commodified and dispersed, like social relations online. So the free (care) labour of the mother and care as a general characteristic of contemporary exploitation in the personal investment it requires, can only be dissolved when capital is. This owes, again, to the perpetual see-saw between nature as outside to capital and nature as a luxury item in capitalist relations of production. Most tangibly, care labour, in the contemporary scene, can only be de-commodified straight back into patriarchal social relations when the welfare state dissolves, since this dissolution is predicated on the structural assumption of risk by those who have the most to lose, with care marketised for those who can afford it, absorbed as traditional unpaid work for those who can’t.

Becoming-anything

What will follow now will be a first tentative hypothesis (albeit one already undertaken, to somewhat different ends, by Paolo Virno) on how alienation can be thought in some kind of *effective* (rather than ‘inevitably’ aporetic) disjunction with the pre- and trans-individual. A strange whim, to think alienation without the individual, and to re-evaluate species being by recourse to singularity. It could be objected that that way lies the multitude, but the multitude always had the air of a hasty conclusion. Before even dropping the vocabulary of ‘individuality/collective’ for ‘singularity/multitude’, where does the individual come from? For Gilbert Simondon [2], the individual is the always-contingent outcome of the process of *individuation*, rather than a self-contained given of social life preceding all interaction. This individuation is generated, not suppressed, by collective experience, which has a temporal (historic) as well as intensive (situated) dimension. Each subject is a mixture of the pre-individual, or generic, and what becomes individuated in collective social

practice, and this collective social practice can be termed the trans-individual, the articulation of the generic and particular, the common and the singular, as contingent moments. It is this creation of political and living forms that could potentially constitute a shared sphere of lived experience beyond representational politics, which entails an additive scheme of atomised individuals who are unrelated except in the act of being represented.

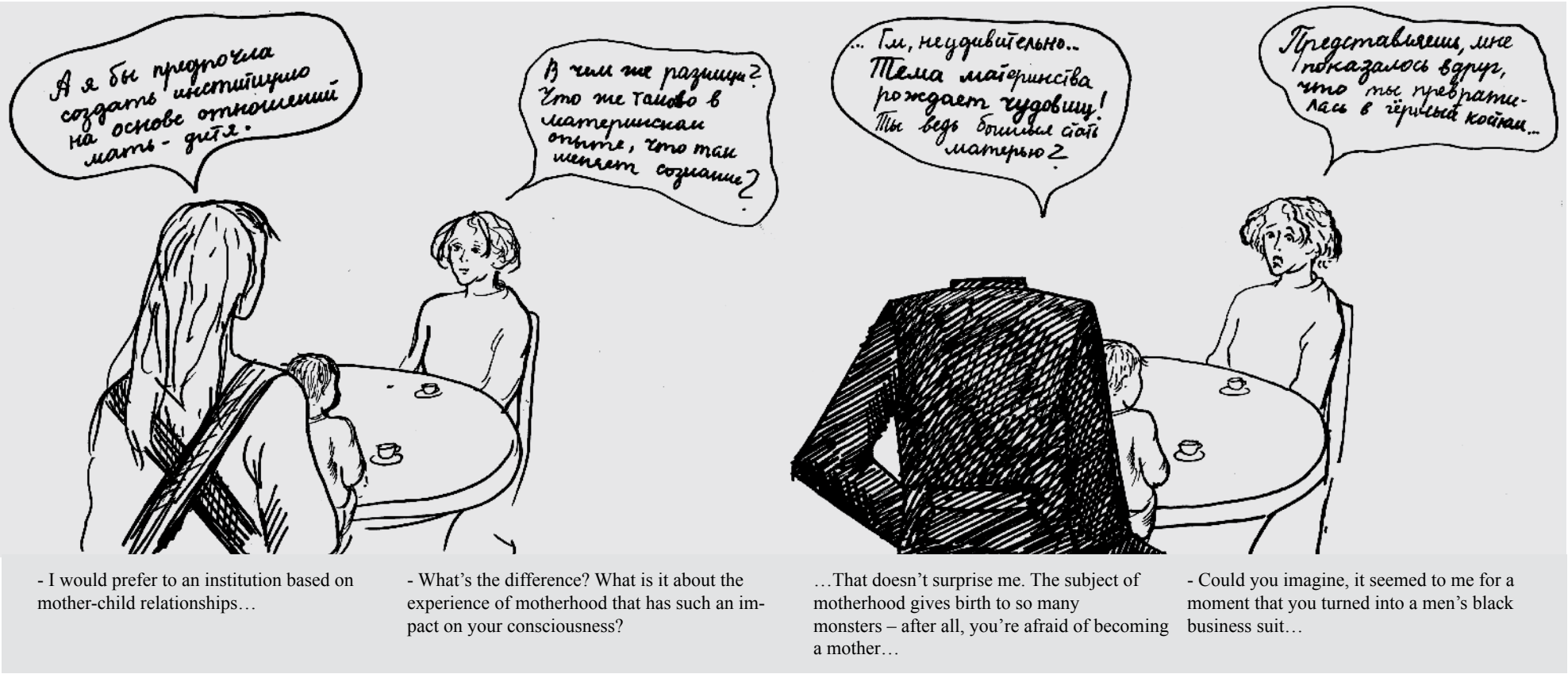
Such a ‘non-State public sphere’, turning as it does on the concept of the individual as a function of collective processes, has immediate implications also for a social role like ‘motherhood’, with all its ideological burden of privacy and infinity of care. As the narrators of ‘biopolitics’ have long observed, Marxist ‘ideology’ is but one of a range of social constructivist approaches to the formation of ostensibly immutable human predicates such as gender, race, and also family. A quick reference to motherhood as a site of population control strategies running from criminal justice to immigration to benefits administration might be apposite here. From which it emerges quite pristinely that motherhood as a function of state or quasi-state agencies and motherhood as a function of trans-individuation signify completely different political situations. We can think of the early Soviet experiments with neighbourhood childcare facilities, workers’ housing, as attempt to void the bourgeois family romance. The family as a means of production in the overall project of re-deploying the individual as the fully human being of Marx’s post-capitalist Erewhon, ideally. Although programmatically feminist goals did not loom large for the Bolsheviks, the collectivisation of private life was a principle ignited by the desire to recapture ‘species being’ from the alienation of capitalist work, an attempt to prototype a new individual as the function of a new socius. The intensity of the affective capacities lavished on private life, away from meaningless and rationalised labour, could now be re-directed to expand over the whole of a historically unprecedented social field waiting to be built. But this rubric turned out to have its dialectic convolutions as well; witness 1924’s *Aelita, Queen of Mars* for a vision of Communist world-building not only perfectly compatible with, but emotionally sustained by, the happiness of the nuptial hearth.

In Common Use

In revisiting the revaluation of the individual in epochs of political innovation, the overcoming of alienation by the socialisation of functions habitually linked to the individual, with the aim of freeing up the masses for participation in the construction of their new world looks to be crucial. But the transitivity, the becoming, the relay between the individual and the relations that constitute it, seems to be elided. Perhaps it is this elision of transitivity that prepares the ground for the congealing and re-stratification of the social situation that hosted these experiments in full humanity. Is it possible to oppose transitivity as a strategy of tension to the constant fluctuation of commodified sociality? Becoming a mother becomes an opportunity to suffer, but also confront, the paradoxical determinations that turn children into both biological invariants for women and emblems of lifestyle. In this it is a microcosm of capitalist individuality *tout court*, that differences are encouraged so long as they don’t hinder surplus value extraction; and not only a microcosm, but the optimal site where free labour (as in freely given and as in unpaid) is socially valorised. In this perspective, a revolutionary time sees the mother-nature develop into a mother-function, accessible to anyone, just as the individual is a moment of an incalculable skein of encounters. This would be transitivity of human existence, but it would be inseparable from the transformation of life as it is lived in capital, the subjectivities thereby produced, the division of labour here in force. And here the concepts of Simondon and of Marx do start showing an uncanny isomorphism: if we consider ‘alienation’ not as a loss of the essence of the human, but as a loss of the power to decide what the human is.

- footnotes:
1. Such a flagrantly reductive statement can only be justified by the lack of space here to get into a more comprehensive discussion of the problematic aspects of addressing transitional demands that presuppose revolutionary situations to national governments, in the 1970s and even more now. This is not to negate the strategic virtues of formulating and mobilising around certain demands that seem excessive in the current regime of exploitation – undoubtedly it’s better to have a statutory minimum wage, national health care, etc, than not, institutions which at the time they were first implemented were decried as socialist subversion across the board – only that demands like Wages for Housework, and, much more problematically, the basic income, are much less likely to cripple capitalism than to afford it shiny new biopolitical control facilities, all other systems of governance remaining in place.
 2. Not having any English translations, sparse as they are, of Simondon to hand, I derive my account from Paolo Virno’s *A Grammar of the Multitude*, especially pages 78-79 in the 2004 Semiotext(e) edition. See also the rich interview with Virno by Jun Fujita Hirose in issue 136 (March/April 2006) of *Radical Philosophy*, “Reading Gilbert Simondon: Transindividuality, technical activity and reification”, which originated many of these thoughts.

Marina Vishmidt is a writer, once based in New York, then in London, now in Maastricht

“До сих пор не существует каких-либо правил относительно исследователей, забеременевших в период работы над проектом. На самом деле, такие правила необходимы.”
Протокол методического комитета, Jan van Eyck Academie, октябрь 2007

Труд становления-матерью бесконечен

Попытки взглянуть на материнство сквозь многогранную призму современного труда открывают одновременно множество перспектив - полных обманок: мать как прототип субъекта непрестанной эксплуатации (с рисками, соответствующими главному герою и субъективизированному нарративу смещений капитала); производство материнства как развивающейся отрасли и моральной паники (с риском отката к аутентичному всеобщему материнству). В 1979 году Мэри Келли физически отделила природное от материнства, показав его изначальную вписанность в язык - в ее случае, язык лаборатории и Лакана. Однако, можно де-натурализовать материнство и фигуру матери иначе - проследив за их позитивным производством внутри капитала в качестве алиби обезличенного обмена (резервуара очеловечивающих такой обмен качеств), для выведения работника, прирученного к “персонифицированному господству” и к радостному отказу от работы на стороне - идет ли речь о компаниях без профсоюзов или теле самого рабочего. Как подчеркивали в свое время Мариароза Далла Коста и Сельма Джеймс, домашнее хозяйство не с неба свалилось. Они очень точно показали, что оплачиваемый труд при капитализме невообразим и невозможен без неоплачиваемой репродуктивной работы, то есть воспроизводства рабочей силы. Требуется несколько пересмотреть эту перспективу, поскольку сегодня уже можно бесстыдно заявлять, что развитие сферы услуг позволяет добиться оплаты труда домохозяек.[1] Работа заботы и воспитания становится глобальной индустрией, экономический символически. Вводимое таким образом разделение труда носит эндемический характер, и не может быть отделено от общего развития незащищенности в государстве и неформальных сетей социального обеспечения. Сегодня все более условен анализ того, как материнству приписываются традиционные качества - терпение, покорность, самопожертвование - поскольку таковы нынешние шаблоны образцового рабочего; более интересно рассмотреть эффекты распада роли матери на общественную организацию труда и управления. Не ограничиваясь несостоятельностью политического или концептуального разрыва между компенсаторной и революционной функцией заботы, мы можем постараться соединить разделение труда с производством индивидуальности, производство индивидуальности - с товарной формой, и вернуться к индивидуальности как устойчивому мифу, утопическому обещанию, всеобщему эквиваленту, параллельному тропу свободных инвестиций времени и аффекта, которое не желает и не получает материального вознаграждения. Таковы осященные веками пределы матери. В конечном итоге, это начинает напоминать топологию “производства желания” (desiring production) в мире ценностей (value form), и поэтому может оказаться полезным эскизно набросать контуры дискуссии. Если рассматривать материнство как описание определенного режима социальной организации, прежде всего, требуется обратиться к индивидуальности как экономической категории, “экономической” во всевозможных смыслах слова.

Подкрепим наши измышления еще одним беглым наблюдением: в условиях капиталистических общественных структур невозможно переизобрести материнство - а лишь добавить легкий лоск, и только для наиболее привелегированных социальных групп, поскольку капитализм позволяет де-натурализовать все, кроме закона стоимости. Извлечение прибыли можно лишь заместить (переложив, например, с матерей-домохозяек на нянечек-иностранок), детерриториализовать, опредметить и рассеять, подобно общественным отношениям в интернете. Поэтому, свободный труд (заботы) матерей и забота как общая характеристика современной эксплуатации с требуемым ею объемом личных инвестиций, могут исчезнуть только если перестанет существовать сам капитал. Опять-таки, здесь следует помнить

о вечном колебании между внешней капиталу природой и природой как предметом роскоши в капиталистических производственных отношениях. Яснее же всего, что труд заботы в современных условиях можно рас-предметить лишь назад в патриархальный режим общественных отношений, когда разрушается государство социального благоденствия, поскольку распад последнего предсказуем из структурного принятия риска теми, кто может потерять больше других: забота выводится на рынок для тех, кто может себе ее позволить, а для неимущих она абсорбируется в качестве традиционной неоплачиваемой работы.

Становление-чем-угодно

Теперь же я осторожно предположу (вслед за Паоло Вирно, преследовавшим несколько иные цели), что есть способ мыслить отчуждение как вариант эффективного (а не “обязательно” неразрешимого) разрыва с пре- и транс-индивидуальным. Может показаться странным рассматривать отчуждение отдельно от индивида, обращаться к сингулярности для переопределения человека (родовая сущность по Марксу). Можно возразить, что такая логика приведет к понятию множества, однако множество всегда казалось слишком поспешным завершением пути. Ещё прежде чем отказаться от терминов “индивидуальность/коллективность” в пользу “сингулярности/множественности”, требуется понять, откуда возникает индивид. Гилберт Симондон [2] считает, что индивид не является некой самостоятельной сущностью, предшествующей любому взаимодействию, но скорее всегда-уже-возможен как следствие процесса индивидуализации. Индивидуализация эта рождается - а не подавляется - коллективным опытом, имеющим измерения темпоральности (историческое) и интенсивности (расположения). Любая субъективность представляет собой смесь до-индивидуального (или родового), и того, что индивидуализируется в коллективной общественной деятельности. Эта коллективная общественная практика может быть названа транс-индивидуальной, артикулирующей родовое и частное, общее и сингулярное. Именно такое создание политических форм, форм жизнедеятельности, имеет потенциал конституировать общее пространство проживаемого опыта - вне репрезентативной политики, подразумевающей аддитивную схему атомизированных индивидуальностей, которые сообщаются исключительно через эту репрезентацию.

Рассматривая в таком “вне-государственном публичном пространстве” концепцию индивидуальности как функцию коллективных процессов, мы немедленно обнаруживаем изменение также и в социальной роли “материнства” со всей его идеологической нагрузкой приватности и бесконечности заботы. Как давно подмечали критики “биополитики”, марксистская “идеология” является лишь одним из многих социально-конструктивистских подходов к анализу формирования якобы непреложных предикатов, как-то гендер, раса, а также и семья. Уместно здесь упомянуть хотя бы об использовании материнства в стратегиях контроля населения - начиная от уголовного судопроизводства и иммиграции, и до распределения пособий. Отсюда становится совершенно ясно, что материнство в качестве функции государственных или квази-государственных институций и материнство как транс-индивидуация размечают совершенно различные политические ситуации. Можно вспомнить об экспериментах с общественными воспитательными учреждениями и рабочими коммуна на заре Советского Союза как о попытках покончить с семьей буржуазно-романтического типа. Проект марксистского пост-капиталистического Иерихона по переизобретению индивида в качестве полноценного человеческого существа, в идеале рассматривает семью как орудие производства. Задачи феменизма не вписывались в программу большевиков, однако принцип обобществления частной жизни возник в желании извлечь “живое существо” из отчуждения капиталистического труда, в попытках смоделировать новую индивидуальность как функцию нового социума. Тогда появился шанс перенаправить интенсивность аффективных возможностей, хлынувших в вырванную из бессмысленного рационализованного труда частную жизнь, расширив ее по

всему исторически беспрецедентному полю общественного, которое как раз строилось. Но и здесь возникли свои диалектические изгибы; так, в кинофильме “Аэлита, королева Марса” (1924) видение коммунистического мироустройства обнаруживает не только полную совместимость, но и свою эмоциональную основу в брачном счастье.

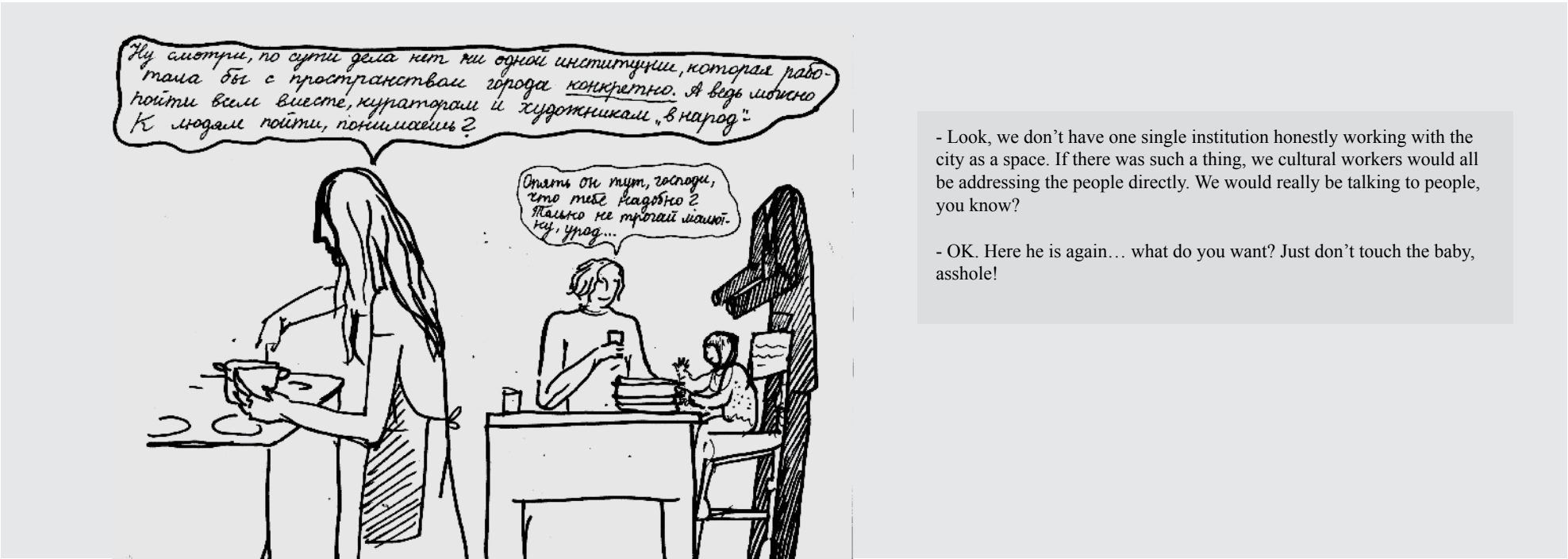
В обычной практике

Возвращаясь к пере-оценке индивидуальности в эпоху политической инновации, представляется критически важным преодолеть отчуждение через социализацию традиционно связываемых с индивидуальным функций - с целью освобождения масс для включения их в созидание нового мира. Однако переходность, становление, переключение между индивидуальным и конституирующими его отношениями, будто бы замалчиваются. Возможно, именно это умолчание перехода и создает почву для затвердевания и рестратификации социальной ситуации, позволявшей проводить подобные эксперименты во всечеловеческом масштабе. Можно ли противопоставить переходность как стратегию напряжения постоянным колебаниям овеществленной социальности? Стать матерью - значит получить возможность страдать; но верно и обратное, парадоксальные определения представляют для женщины детей одновременно как биологическую неизбежность, и как эмблему стиля жизни. В этом распахируется микрокосм капиталистической индивидуальности tout court: различия пестуются, пока они не препятствуют извлечению прибавочной стоимости; но это не только микрокосм, а оптимальная площадка общественной валоризации свободного и неоплачиваемого труда. Из такой перспективы, в революционное время мать-природа преобразуется в мать-функцию, доступную каждому, поскольку индивидуальность есть лишь момент в неисчислимом сплетении встреч. Это и есть переходность человеческого существования, которая неотделима от трансформации жизни, проживаемой в капитале, от производимых им субъективностей, от присущего ему разделения труда. И здесь неожиданно проявляется изоморфизм концепций Симондона и Маркса - если не рассматривать “отчуждение” как потерю человеческой сущности, но как потерю силы определять, что такое человек.

Примечания:

1. Подобное вопиющее упрощение можно оправдать исключительно тем, что газетное пространство не позволяет более подробно обсудить проблемные аспекты требований перехода, предлагающие революционным ситуациям в национальных правительствах в 1970-х годах, а сегодня еще более явно. Этим не отрицаются стратегические добродетели, формулирующиеся и мобилизующие вокруг определенных потребностей, которые представляются излишествами в современном режиме эксплуатации. Несомненно, благостно наличие законодательно установленной минимальной оплаты труда, государственного медобеспечения и тому подобных институций, повсеместно осуждавшихся во времена введения как социалистическая диверсия. Дело лишь в том, что требуя пособий домохозяйкам, а тем более, минимального дохода, мы вряд ли повредим капитализму, а скорее всего поможем ему получить новые сверкающие инструменты биополитического контроля, тогда как все прочие системы управления сохраняют свою силу.
2. У меня под рукой не оказалось английских переводов Симондона, поэтому я цитирую по Paolo Virno “A Grammar of the Multitude” (Semiotext(e) 2004), особенно страницы 78-79. Также рекомендую большое интервью, которое Вирно дал Джун Фуджите Хироэ (, “Reading Gilbert Simondon: Transindividuality, technical activity and reification” in Radical Philosophy, issue 136, March/April 2006), которое и спровоцировало многие мои размышления.

Марина Вишмидт, писатель, исследователь. Жила в Нью-Йорке, Лондоне. Сейчас работает в Маастрихте.

- Look, we don't have one single institution honestly working with the city as a space. If there was such a thing, we cultural workers would all be addressing the people directly. We would really be talking to people, you know?

- OK. Here he is again... what do you want? Just don't touch the baby, asshole!

What does not have a name does not exist	Безымянное не существует
<p>It begins as a fire in a house. I feel the distinctive smell of smoke. Or is it only imagination? The feeling is true in itself. I go outside, and see the smoke billowing out of the window at the tower room. I remember the shadows. To me they are grey. They are slowly sweeping by. I always become just as frighten. I see them along the walls and in the ceiling of the room. They have no name and do not exist.</p> <p>Now I am no longer the child, but the adult. I wake up from his calling. He cries and tells me of what he has seen. I am as soft and calm as I can: - It was a dream. - You have only dreamt, my dear. Try to sleep again. Think about something nice. Think about the beach where we fish crabs every summer. Imagine that we are lying and looking down at the water together. Imagine the seaweed and the small fishes living down there. I try to guide him down to the beach and our rowboat. I describe the gravelled road from our house down between the trees and to the slippery cliffs, until I hear that the breathing is even and I know that he is sleeping.</p> <p>Anne Traegde born 1968, an artist and have 2 children</p>	<p>Начинается пожаром в доме. Я слышу характерный запах дыма. Или просто чудится? Чувство истинно в себе самом. Я выхожу на улицу, и вижу: дым валит из окна. Я помню тени. Они кажутся серыми. Медленно ползут мимо. Я всегда пугаюсь, почти так же сильно. Я вижу их на стенах, на потолке комнаты. Им нет названия, и они не существуют.</p> <p>Теперь я больше не ребенок, я выросла. Я просыпаюсь от его крика. Он кричит; рассказывает мне об увиденном. Я остаюсь совершенно спокойной и кроткой: “Тебе приснилось.” “Это всего лишь сон, дорогой. Постарайся снова уснуть.” Думай о чем-то хорошем. Представь себе пляж, где мы летом ловим крабов. Представь, что мы вдвоем лежим на воде и смотрим вниз. Представь, как в глубине маленькие рыбешки спуют меж водорослей. Я пытаюсь вывести его на берег, к нашей лодке. Я описываю ему дорогу - от дома, через пролесок, к скользким утесам, и наконец слышу его ровное дыхание - уснул.</p> <p>Анн Трегде (род. в 1968), художник, мать двоих детей</p>

The two mothers

As a kid, I used to play with a couple of toy trolls – you know, the rubber ones with a big lump of hair on the head. Somehow, the trolls always ended up having sex. Then I didn’t know what more to do, so I just put them away.

Becoming a mother is a bit like that. You have a baby – then what? How do you go on from there? We know everything about the birds and the bees, but nothing can prepare you for the task of being a parent. My husband and I used to live like two aging bachelors. You want to go to New York for an opening? Sure, see you next week. A night on the town with the boys? Hasta la vista, see you in the morning. Life was easy, maybe too easy. We decided it was time for change.

Then the child came, and everything was turned upside down. We wanted change, and we got it. Now, we’ve turned into two mothers. I guess it’s a consequence of the feminist movement; all work is divided between us, from cooking to changing diapers. The traditional gender roles don’t apply any more, all mothers are equal, regardless of their sex. The distinction between fatherhood and motherhood isn’t that relevant, maybe we can just talk about parenthood instead?

The theme for this issue of ”Chto delat” was formulated along these lines: ”What does it mean to be mother and at the same time to be the artist, the poet, the curator – the producer of a new knowledge economy?”

One of the things I’ve learned from becoming a parent is to live in the present, to embrace the moment and not force change. When there is tension, I try to go with the flow and turn the negativity into something positive. It is important that the whole group moves forward together, as a team.

Obviously, cooperation is paramount. When you take turns being the ”mother”, or the parent, you need to divide time and responsibility evenly between you. Being a mother is easier if you can devote 100 per cent of your attention to it when you have that responsibility – and devote the rest of your time to your work, 100 per cent.

I am trying not to get angry when I get tired, but I haven’t really succeeded yet. I have come to the realization that I have closer to anger than I thought before becoming a mother. Before, I could be sad or low, but those feelings have been replaced by anger. I think that is OK, as long as I can handle it and not become upset over trivialities, and not take it out on my “team”. If I get angry about something that’s not important, I guess I’ll just have to go out in the forest and scream. Or do yoga, or just take a nap.

Is this any different from being an artist? I don’t know.

Recently, I found a couple of 1970s toy trolls in a second-hand store. I decided to get them for my son. Maybe he’ll know what to do with them when he gets older.

Maria Friberg, born 1966, artist, one child, lives in Stockholm

Две матери

Ребенком, я любила играть с парой кукол-троллей - такими резиновыми, с огромной копной волос. Всегда получалось, что в какой-то момент они переходили к сексу. А я тогда не знала, что делать дальше, и игра завершалась.

Материнство немного похоже на ту игру. Появляется ребенок - и что? Что делать дальше? Мы знаем все о птичках и пчелках, но подготовиться к роли родителя невозможно. Мы с мужем привыкли жить как два стареющих холостяка. Хочешь слетать в Нью-Йорк на открытие выставки? Отлично, увидимся через неделю. Поехал на дачу с ребятами? Hasta la vista, увидимся утром. Легкая жизнь, может слишком легкая. И мы решили, что пора поменять ее.

Тогда появился ребенок, и все завертелось вверх тормашками. Мы хотели перемен и получили их. Теперь мы оба превратились в мамаш. Всю работу разделили на двоих - от готовки до пеленок; думается, это результат феменистского движения. Привычные гендерные роли отныне забыты, все матери равны, независимо от пола. Различие между отцовством и материнством теперь не так важно. Возможно, имеет смысл говорить о родительстве?

Тема этого номера “Что делать” описывалась примерно так: “Что значит быть матерью, и одновременно быть художником, поэтом, куратором - производителем в условиях экономики знания?”

Став родителем, я научилась, помимо прочего, жить в настоящем - сливаться с моментом и не форсировать изменения. Когда возникает напряжение, я стараюсь отдаться течению, превращая негативность в нечто положительное. Важно, чтобы вся группа продвигалась вперед вместе, как единая команда.

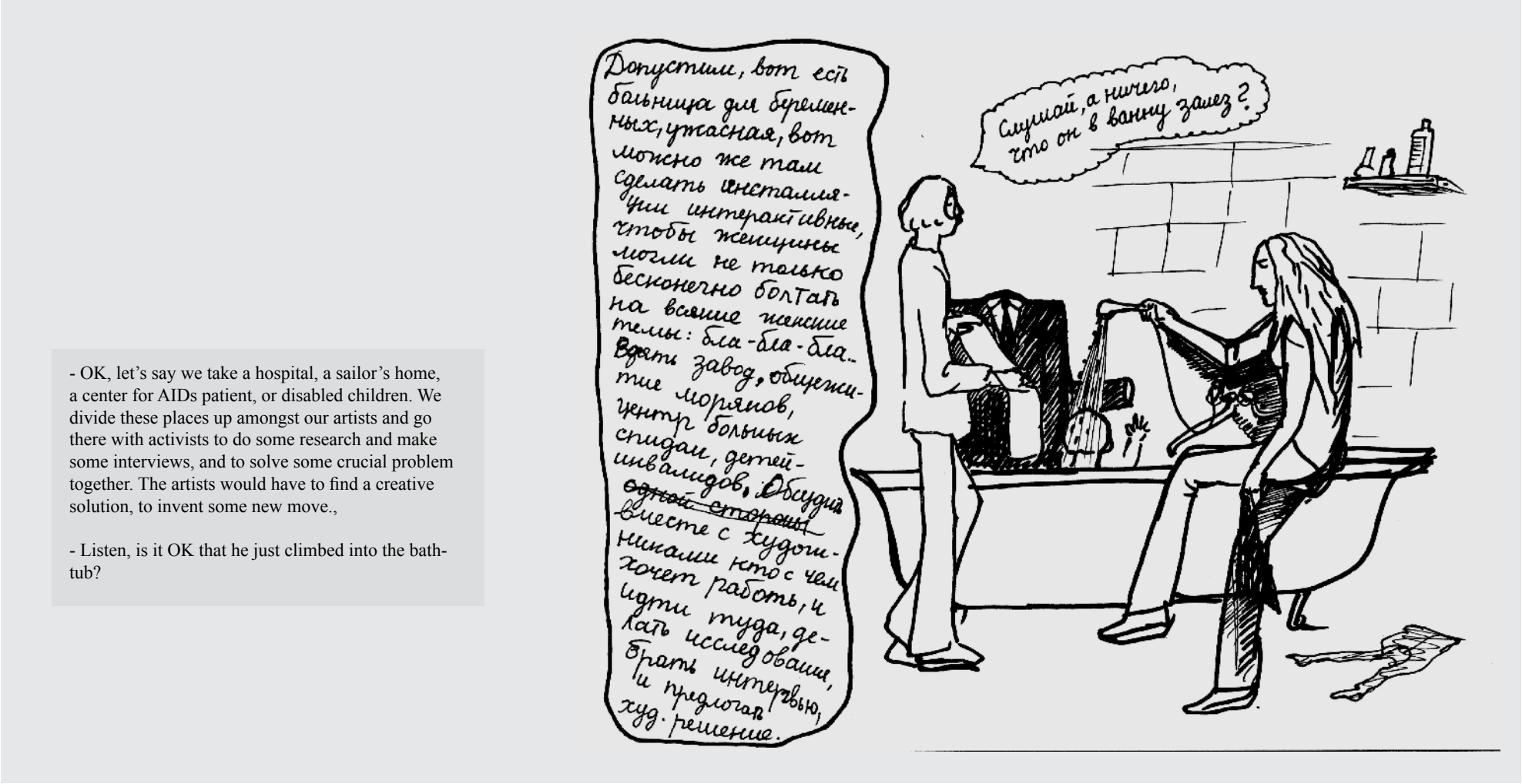
Разумеется, главное - это взаимодействие. Если вам приходится быть “матерью” - или родителем - по очереди, приходится поровну распределять время и ответственность. Легче быть матерью, если вы можете посвятить этому 100% своего внимания, а оставшееся время на 100% отдать работе.

Я стараюсь не злиться, когда устаю, но пока у меня не получается. Теперь я вижу, что злости во мне больше, чем казалось до материнства. Раньше я могла грустить или отчаиваться, но чувства эти не переходили в гнев. Полагаю, это нормально, пока я справляюсь: не раздражаюсь по всякой ерунде и не переношу бремя на мою “команду”. Если начинают злить мелочи, лучше, видимо, выйти в лес и покричать. Или попрактиковать йогу, или просто поспать.

Разве это не тоже самое, что и быть художником? Не знаю.

Недавно я нашла в секонд-хэнде пару игрушечных троллей семидесятых годов. Решила купить их сыну. Может быть он вырастет и поймет, что с ними делать.

Мария Фриберг (1966), художница живет в Стокгольме, мать одного ребенка

Who helps the degraded housewife? Comments on Vladimir Putin’s demographic speech

In his annual address to the nation May 2006, Russian president Vladimir Putin made several new suggestions concerning family and child care policy. Later in this year his proposals were confirmed by the Duma and received legal status. This is the first time that post-socialist gender politics have been so clearly outlined in Russia. While Mikhail Gorbachev in the mid-80s envisioned the possibility of women returning to their traditional roles as a means to lighten their double burden, Putin strongly advocated both wage-work and state support for Russian mothers. What rhetorical and political strategies explain this interesting move? What gender ideology lies behind them?

Introducing maternal capital

Putin’s 2006 address first noted how Russia’s worrisome demographic development—“the most acute problem facing our country today”—is affected by three processes: mortality, migration and fertility. Road safety should be improved, and skilled migrants encouraged to immigrate. He also mentioned improving general quality of life and supporting maternal care centers. But the focus of his suggested demographic program is on child care policies encouraging fertility, and especially the birth of a second child. Monthly child care benefits for children under 18 months should be raised to 1,500 rubles (less than 50 euros) for the first child, and 3,000 rubles (less than 100 euros) for the second. Wage-earning mothers should receive at least 40% of their wages (with an upper treshold) until the child reaches eighteen months. This maternal subsidy is paid from the state budget. The huge numbers of abandoned children should be alleviated by support for foster parenting. Finally, Putin proposed a new form of benefit, the “basic maternal capital”. This capital consists of a larger sum that the mother will receive when her second child turns three, and which should be invested in loans, housing, the mother’s pension, or education for the child. The total amount of maternal capital for a mother of two children is 250,000 rubles, and it will be annually indexed for inflation. This benefit will elevate the status of a woman taking maternity leave who might otherwise suffer from discrimination in the family. Funds from the maternal capital can be spent only on the state-defined targets mentioned above. In Putin’s view, the maternal capital should thus work as a mother’s wealth, which the state provides a woman as a mother when she has a second child, compensating for the loss of career momentum. Putin’s approach was monetaristic and pragmatic, both in analysis and policy formation. He asked: *“What stops young families, women, from making such a decision today, especially when we’re talking of having a second or third child? The answers are well known. They include low income, inadequate housing conditions, doubts as to their own ability to ensure the child a decent level of healthcare and education, and—let’s be honest—sometimes doubts as to whether they will even be able to feed the child.”* Thus, the problems were presented as mainly economic, and the solution is more money from the state: *“A program to encourage childbirth should include a whole series of administrative, financial and social support measures for young families. All of these measures are equally important, but nothing will bring results unless the necessary material support is provided.”*

The words ”men” or ”fathers” are glaringly absent from this speech, as is any reference to grandparents or other relatives, who still play a important role Russian child care arrangements. An indirect support of fatherhood can be detected only in the first part of the address concerning the role of the military. There Putin advocated revising several legal conditions enabling a suspension of obligatory military service, including a delay of the recruitment for conscripts whose wives are pregnant.

Furthermore, Putin was especially critical of the economic dependence of mothers in nuclear families: *”I think that the state has a duty to help women who have given birth to a second child and end up out of the workplace for a long time, losing their skills. I think that, unfortunately, women in this situation often end up in a dependent and frankly even degraded position within the family. We should not be shy about discussing these issues openly and we must do so if we want to resolve these problems.”*

We see here how Putin’s speech aimed at strengthening the legacy of the Soviet family, which was centered around the civic entitlement of wage-earning mother. The Soviet gender contract, which took root in the 1930s, required women to become both wage-earners and mothers, returning these favors with equal rights (or lack of rights) for all citizens and female-friendly family policies. In terms of policy, this represented a kind of state feminism, while any independent feminist movement was forbidden in the Soviet Union. The practices of working mothers have dominated in post-socialist Russia, although the range of gender contracts has come to include more diverse arrangements, notably the bourgeois housewife and male breadwinner (Temkina & Rotkirch 1996). That Putin labelled the image of woman favored by part of the business elite as not only dependent, but “degraded”, is an interesting move. We are very far from the perestroika years of the 1980s, when Mikhail Gorbachev wished women could return to their traditional roles, and the dominating ideology supported male breadwinners. Neither did Putin reproduce the strong symbolic elevation of women as mothers typical of the Soviet gender order. For instance, the address does not refer directly to specific female values and inborn psychological skills. It did so only implicitly by not mentioning fathers as care-givers. Few other politicians of this level have so strongly endorsed women’s economic independence anywhere in the world. The same approach was found among socialist classics such as Friedrich Engels, August Bebel and notably the Russian Alexandra Kollontay, who regarded state support to women as mothers as the main tool of family policy.

Liberal, conservative and feminist critiques

Russian experts are more divided in their opinions. Most academics are skeptical, and claim that the monetary measures will not affect the demographic situation. We may identify three partially overlapping positions of critique: those of the liberals, feminists, and conservatives.

The liberally oriented demographers and sociologists believe that Putin’s program is not sufficient to stimulate the birth rate, though it could further encourage people having a 2nd child if it had been planned already. Additionally, only poorer strata of population are stimulated by the small monetary gains offered in the Program. The suggested measures would stimulate only those ethno-cultural groups that maintain traditions of multiple-children families (which in Russia means parities of three and more) and where the issues of poverty are most acute. For the middle class, maternal capital is too small and cannot compensate for the economic losses of the household if one of the parents stops working, albeit temporarily. Thus the middle class does not stand to benefit, as their earnings are higher and career is meaningful. Mothers risk jeopardizing their upward mobility and sacrificing their careers, if they stay for two to three years on maternity leave. Quality childcare and the cost of the education are very high in contemporary Russia, the sociologists further note, and the expenses far exceed the amounts of child subsidies outlined by the President. Thus, the general conclusion among Russian liberals is that the Family Program rhetoric is a populist one and may have undesired economic and social consequences.

The Russian conservatives express other concerns: they would like the state to support the “natural role” of women as mothers even more extensively. Sergei Mironov, the chairman of the Upper Chamber of the Parliament and the leader of the Russian Party of Life, proposed the idea of a family salary promoting housewifery, which is in his opinion still undeveloped in Russia. It would provide women on maternity leave with regular support from the state, rather than the one-time payment envisioned in Putin’s concept of maternal capital. Additionally, Mironov hopes that the family salary would strengthen the prestige of the father as the breadwinner of the family. The third line of critique is that of feminists and women’s movement activists. They partly agree with the liberal position and partly express their own concerns. As the Program is too monetarist, it is predicted as having a low level of efficiency. Monetary policies deflect attention from such urgent issues as the reform of maternal healthcare, where institutional trust is very low, or educational reforms. Feminists have also criticised the proposed program for its shallow understanding of family types and arrangements and a focus on a certain type of families. Family benefits have to be more diversified; the Program’s focus on families with two children is not justified, they claim. Social policy should also address other types of families, such as single-parent households and families with more than two children. Feminists also deplored the traditional role assigned to fathers in Putin’s speech, which did not present any understanding of shared parenthood. Putin’s policies were seen to be very similar to the Soviet policies of assistance and support for the working mother as a natural caregiver and useful economic resource. They would strengthen the inferior positions of women on the labor market and reproduce gender polarization and gender imbalances on the symbolic level. Feminists also deplored that the issue of flexible employment schemes that could improve the balance between wage work and family life was not even mentioned.

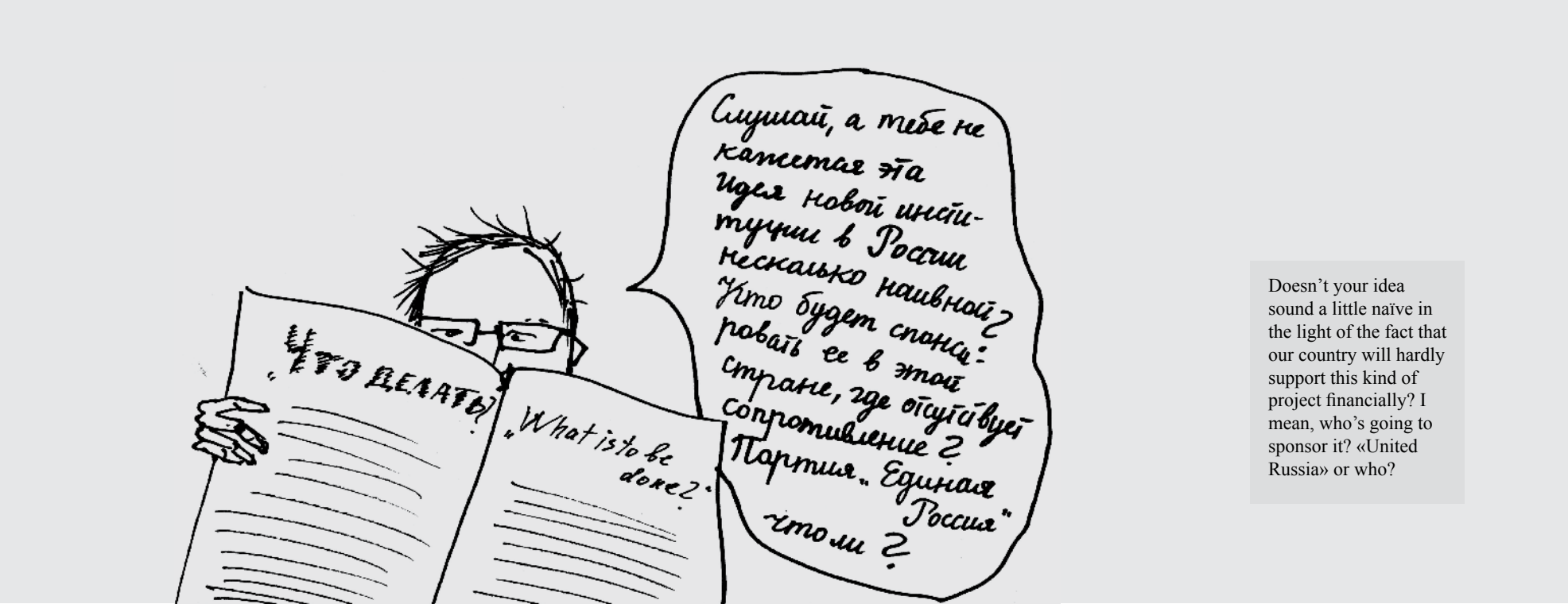
Conclusions

The family policies proposed in Putin’s 2006 address raised child care benefits and introduced the new concept of maternal capital as support to mothers of two children. These policies present themselves as emphatically women-friendly. We consider that the address and following policies prove that the Russian president reemploys notions of gender and parenthood that were typical of the Soviet period. In its entirety, the address included two complimentary gender issues: the “female” demographic problem and the “male” reform of the military service. Femininity was defined in terms of the wage working mother supported by the state on a symbolic level, and receiving small monetary benefits on an economic level. This suggests that the balance of work and family is exclusively a woman’s issue. This type of polarized gender consciousness, with strict division into feminine and masculine spheres, appears to be typical for the Russian administration today. If US president George W. Bush is a compassionate conservative, Putin is a pragmatic conservative. Putin is conservative with regard to the Soviet social policy legacy, in which the state presents itself as a mother’s best friend. He is pragmatic in paying more attention to real-life problems and in discarding the praise of motherhood familiar from Soviet ideology. We basically endorse the feminist line of critique. We agree that the economic part of the program will not reach its goal; it cannot stimulate the birth rate as it claims to be able to do, in spite of its populist rhetoric of pragmatism. We believe that priority should be given to policies fostering the growth of qualities and qualifications of parents, gender-equal parenthood, improvement of childcare, family-friendly working conditions, and maternity-care systems.

The symbolic appeal of the new presidential program of fertility growth should not be underestimated, however. Russian women’s citizenship has once again been defined in terms of the working-mother contract. There is no longer any discussion of sending women “back home”. Instead, there is some recognition of the dilemma of child-rearing for educated women in contemporary Russia (to stay at home and quit work, or to prefer career to children), and of the forms of discrimination experienced by economically dependent housewives in their families. The state is viewed as the agent that should fight against family patriarchy. Even if parenthood is still defined in terms of motherhood only, gender issues are once more visibly at the center of Russian national politics.

first was published at European Journal of Women Studies - here is the short version of original text.

The authors:
Anna Rotkirch is director of the project “Fertility patterns and family forms in St. Petersburg”, Academy of Finland.
Anna Temkina is professor of the Gender Studies Program, European University of St Petersburg.
Elena Zdravomyslova is professor of the Gender Studies Program, European University of St Petersburg; and researcher at the Centre for Independent Social Research

Кто поможет униженной домохозяйке? Комментарии к демографической речи Владимира Путина

Президент России Владимир Путин в своем ежегодном обращении к народу (май 2006) высказал некоторые соображения относительно положения семьи и воспитания детей. Впервые в пост-социалистической России, гендерная политика была сформулирована столь четко. Если в середине 1980-х, Михаил Горбачев говорил о возможном облегчении двойного бремени женщин через возвращение их к традиционной роли, то Путин сегодня отстаивает наемный труд российских матерей с параллельной государственной поддержкой. Какими риторическими и политическими стратегиями объясняется такой поворот? Какая гендерная идеология скрывается за ними?

Введение материнского капитала

Свое обращение 2006 года Путин начинает с озабоченности демографическим развитием России. Предложенная им демографическая программа, сфокусировалась на политике заботы о ребенке с целью стимулирования рождаемости, а особенно - рождения второго ребенка. Ежемесячные пособия по уходу за первым ребенком до 18 месяцев требуется повысить до 1500 рублей, и до 3000 рублей - на второго ребенка. Находящиеся в декретном отпуске матери должны получать не менее 40% от своей максимальной заработной платы до достижения ребенком 18 месяцев. Эти субсидии выплачиваются матерям из государственного бюджета. Поддержка программ усыновления призвана сократить огромное число детей-сирот. Наконец, Путин предложил ввести новую форму пособий - "базовый материнский капитал". Он представляет собой большую сумму денег, предназначенных для инвестиции в займы, покупку жилья, материнскую пенсию и образование детей. Мать начинает получать эти деньги по достижении ее вторым ребенком возраста трех лет. Общий размер материнского капитала для родившей двух детей составляет 250000 рублей, сумма ежегодно индексируется для защиты от инфляции. Средства материнского капитала могут быть потрачены исключительно на вышеуказанные цели, определенные государством. По мнению Путина, материнский капитал заменяет женщине заработок; государство предоставляет его матери при рождении второго ребенка в качестве компенсации «потере квалификации».

Путин предложил подход монетаризма и прагматики, как в

смысле анализа, так и в отношении формирования политики. Он спрашивал и отвечал: *«Что мешает молодой семье, женщине принять такое решение, особенно если речь идет о втором или третьем ребенке? Ответы здесь очевидны, известны. Это низкие доходы, отсутствие нормальных жилищных условий. Это сомнение в собственных возможностях обеспечить будущему ребенку достойный уровень медицинских услуг, качественное образование, а иногда и сомнение, что греха таить, просто в том, сможет ли она его прокормить»*. Проблемы, таким образом, представлены как чисто экономические, а решением видится повышение г о с ф и н а н с и р о в а н и я : *«Стимулирование рождаемости должно включать целый комплекс мер административной, финансовой, социальной поддержки молодой семьи. Подчеркну: из перечисленных мною мер все важно, но без материального обеспечения ничего не работает»*. Поражает отсутствие в его речи упоминаний "мужчин" или "отцов", как и бабушек-дедушек, да и других родственников, которые по-прежнему играют важную роль в воспитании детей в России. Косвенная поддержка отцовства читается только в первой части обращения, где Путин обсуждает роль вооруженных сил. Он настаивает на пересмотре законодательства с целью предоставления отсрочки от военной службы, в частности для призывников, чьи жены беременны. Более того, Путин особенно резко критиковал экономическую зависимость матерей в «нуклеарных семьях»: *«Считаю, государство обязано помочь женщине, которая родила второго ребенка и на долгое время выбывает из трудовой деятельности, теряя свою квалификацию. К сожалению – и я думаю, здесь нечего стесняться, о таких вещах нужно говорить прямо, если мы хотим решить такие проблемы, – женщина в подобных случаях подчас попадает в зависимость, а иногда, прямо скажем, и в униженное положение в семье»*. В речи Путина заметно стремление сохранить наследие советской семьи, которая держалась на гражданских правах работающей матери. Уходящее корнями в 1930-е года межполовое соглашение в СССР требовало от женщин оставаться одновременно и работницами, и матерями, в обмен на что они получали равные права (или отсутствие таковых) со всеми гражданами,

а также ориентированную на женщин политику поддержки семьи. Условия этой политики можно суммировать как своего рода государственный феминизм, при том, что все независимые феминистские движения в Советском Союзе были запрещены. Практика работающих матерей доминировала и в постсоветской России, хотя гендерные соглашения стали более разнообразными. Отметим появление буржуазной домохозяйки и мужа-кормильца. Интересно, что Путин обозначил любимый частью бизнес-элиты образ женщины как «унизительный». Это очень далеко от перестроечных восьмидесятых, когда Михаил Горбачев хотел возвращения женщины к традиционной роли, когда доминировавшая идеология поддерживала образ мужа-кормильца. Кроме того, Путин не повторяет сильное символическое возвеличивание женщины-матери, типичное для советской идеологии. В его обращении отсутствуют прямые упоминания типично женских ценностей и врожденных психологических особенностей. Он лишь подразумевает их тем, что не упоминает о воспитании детей отцами. Немногие мировые политики высшего уровня столь активно выступали за экономическую независимость женщин. Похожий подход можно обнаружить у классиков социализма, как например у Фридриха Энгельса и Августа Бабея, а в СССР также у Александры Коллонтай, которая считала государственную поддержку женщин-матерей основным инструментом политики семьи.

Либеральная, консервативная и феминистская критика

Российские эксперты разошлись в оценках выступления Путина. Большинство академиков скептически считают, что монетаристские меры не повлияют на демографическую ситуацию. Можно выделить три частично совпадающих критических перспективы: либеральную, феминистскую и консервативную. Демографы и социологи либеральной ориентации считают программу Путина недостаточной для стимулирования рождаемости, хотя она (программа) может поддержать решение завести второго ребенка, если семья уже планирует это. Невысокий размер предложенных программой

пособий стимулирует, скорее, беднейшую часть населения. Указанные меры поддержат только этно-культурные группы с традицией многодетной семьи, перед которым проблема нищеты стоит наиболее остро. Для среднего класса размер материнского капитала слишком невелик, и не способен компенсировать экономические потери в случае даже временного ухода одного из родителей с работы. Таким образом, средний класс ничего не выигрывает, поскольку заработки его представителей выше пособий, а карьерные приоритеты слишком важны. Оставаясь два-три года без работы, матери рискуют приостановить продвижение вверх по служебной лестнице, жертвуя карьерой. Социологи также отмечают, что качественные услуги ухода за ребенком и образование стоят в современной России очень дорого, и расходы на много превышают названные президентом суммы детских субсидий. Основной вывод российских либералов, соответственно, таков: программа поддержки семьи отличается популистской риторикой, и может привести к неблагоприятным экономическим и социальным последствиям. Консерваторы озабочены другими аспектами. Они выступают за более широкую государственную поддержку «естественной роли» женщин-матерей. Глава верхней палаты парламента России, Сергей Миронов, предложил ввести семейное пособие, поддерживающее женщин-домохозяек - неразвитый, по его мнению, институт в стране. Вместо одномоментной выплаты согласно программе Путина, Миронов предлагает регулярную государственную поддержку женщин в декрете. Одновременно это должно повысить престиж отца как кормильца семьи, надеется Миронов. Третья критическая перспектива развивается феминистами и активистами женских движений. Отчасти они соглашались с либералами, но акцентируют и другие аспекты. Чрезмерный монетаризм программы предполагает ее низкую эффективность. Монетаристские меры отвлекают от таких важнейших проблем, как реформа здравоохранения (для матерей), где столь низко доверие к институтам, а также от реформы образования. Феминисты также критикуют предложения Путина за ограниченное понимание типов и структур семьи, за внимание только к определенному ее виду. По их мнению, семейные пособия должны быть более

разнообразными, а фокус на семьях с двумя детьми неоправдан. Кроме того, феминистов удручает традиционность роли отца, предписанная путинским обращением, что демонстрирует непонимание совместного родительского воспитания. Политика программы представляется очень близкой советской политике поддержки и помощи работающим женщинам - одновременно естественным матерям-воспитателям и удобному экономическому ресурсу. Такие меры усиливают незавидные позиции женщин на рынке труда и поддерживают гендерную поляризацию и дисбаланс полов на символическом уровне. Феминисты также отмечают, что не были даже мельком упомянуты вопросы гибкого трудоустройства - схемы, которые могли бы сбалансировать наемный труд и семейную жизнь.

Выводы

Предложенная в обращении Путина семейная политика преподносится как защищающая женщин. Мы считаем, что текст обращения и последовавшие меры обнаруживают стремление российского президента восстановить типичное для идеологии советского времени понимание гендера и родительства. Полный текст обращения рассматривает два взаимодополняющих гендерных вопроса: "женскую" демографическую проблему и "мужскую" вопрос реформы вооруженных сил. Женственность определяется через наемный труд матери, поддерживаемой государством на символическом уровне, а на экономическом - получающей небольшие материальные пособия. Отсюда следует, что баланс работы и семьи является исключительно женской проблемой. Подобный вид поляризации гендерного сознания с четким разделением на женскую и мужскую сферы представляется типичным для современной российской администрации. Если президент США Джордж Буш преподносится как сочувствующий консерватор, то имидж Путина - консерватор-прагматик. Консервативен он относительно советской социальной политики, которая представляет государство лучшим другом матери. Прагматичен же тем, что уделяет больше внимания "проблемам реальной жизни" и исключает свойственное советской идеологии превознесение материнства. Мы в целом поддерживаем феминистскую линию критики. Мы согласны, что экономическая часть программы не добьется поставленных целей: она не способна стимулировать рождаемость, несмотря на популистскую риторику своих прагматичных заявлений. Мы считаем, что приоритет следует уделять политикам развития качеств и способностей родителей, гендерного баланса в родителстве, улучшения институций заботы и воспитания детей, создания удобных для семейной жизни условий труда и систем заботы о здоровье матери. В то же время, не следует недооценивать символический вес новой президентской программы повышения рождаемости. Как гражданин, российская женщина вновь определяется на условиях контракта работающей матери. Наступает конец разговорам «а не послать бы женщин домой». Напротив, появляется некоторое понимание дилеммы воспитания детей для образованной женщины в современной России (остаться дома, забыв о работе, или предпочесть детям карьеру); возникает также признание форм дискриминации экономически зависимых домохозяек со стороны их семей. Государство видит себя агентом борьбы с патриархальным укладом. Даже несмотря на то, что родительство по-прежнему определяется исключительно в терминах материнства, гендерные вопросы вновь появляются в центре российской государственной политики.

Об авторах:

Анна Роткирч - директор проекта "Fertility patterns and family forms in St. Petersburg", Academy of Finland.
Анна Темкина - профессор программы гендерных исследований, Европейский университет (Санкт-Петербург).
Елена Здравомыслова - профессор программы гендерных исследований, Европейский университет (Санкт-Петербург), исследователь в Центре независимых социальных исследований.

MARIE SILKEBERG / GIVING BIRTH

open paragraph night comma the pain comma started comma i felt no fear comma i listened to the greek composer xenakis comma a drum piece comma intense drumming comma i read somewhere that he found his inspiration to his huge moving sound structures from the demonstrating crowds comma moving through the streets of athens comma how the sounds move from chaos to sense comma direction comma action and back comma starting anew comma other direction comma same force comma even as hesitation comma as hesitation comma the height of the intensity close paragraph

not of political action alone

as though boundlessness of human interrelatedness were only the result of the boundless multitude of people involved, which could be escaped by resigning oneself to action within a limited, graspable framework of circumstances, the smallest act in the most limited circumstances bears the seed of the same boundlessness, because one deed, and sometimes one word, suffices to change every constellation

in the narrower sense of the word

open paragraph never comma had i sensed comma something like comma it comma the body comma the intense drumming comma the physical sensations comma could be identified comma as pain comma but so connected comma to menstruation comma to sex comma known comma unknown comma labour close paragraph

as though boundlessness of human interrelatedness were only the result of the boundless multitude of people involved

an open book is also the night. i don't know why the words i just wrote, make me cry. marguerite duras

which could be escaped by resigning oneself to action within a limited, graspable framework of circumstances,

open paragraph morning comma increasing labour comma water comma water comma delivery comma hot water comma he was silent comma the room comma was silent comma only movement comma was his eyes opening comma slowly comma the water disappeared comma full of blood and amniotic fluid comma i was shivering comma wet and cold comma i stared comma stared comma fullness nothingness merging comma close paragraph

the smallest act in the most limited circumstances bears the seed of the same boundlessness

a friend of mine - mother and stepmother - in denmark calls the public library to ask if they allow illegal refugees without papers, and consequently with no identification number necessary in all nordic countries while dealing with any public institution whatsoever, to borrow books from the library. yes the librarian says. the miracle, the productive innocence if you want, in this anecdote is not the answer but the question

because one deed, and sometimes one word, suffices to change every constellation

open paragraph in one single stroke dash the other child comma the many others dash all the fantasies comma would dash what question mark disappear question mark merge comma melt into each other question mark become a part of me question mark of the child question mark the space between us question mark close paragraph

action has the closest connection with the human condition of natality; the new beginning inherent in birth

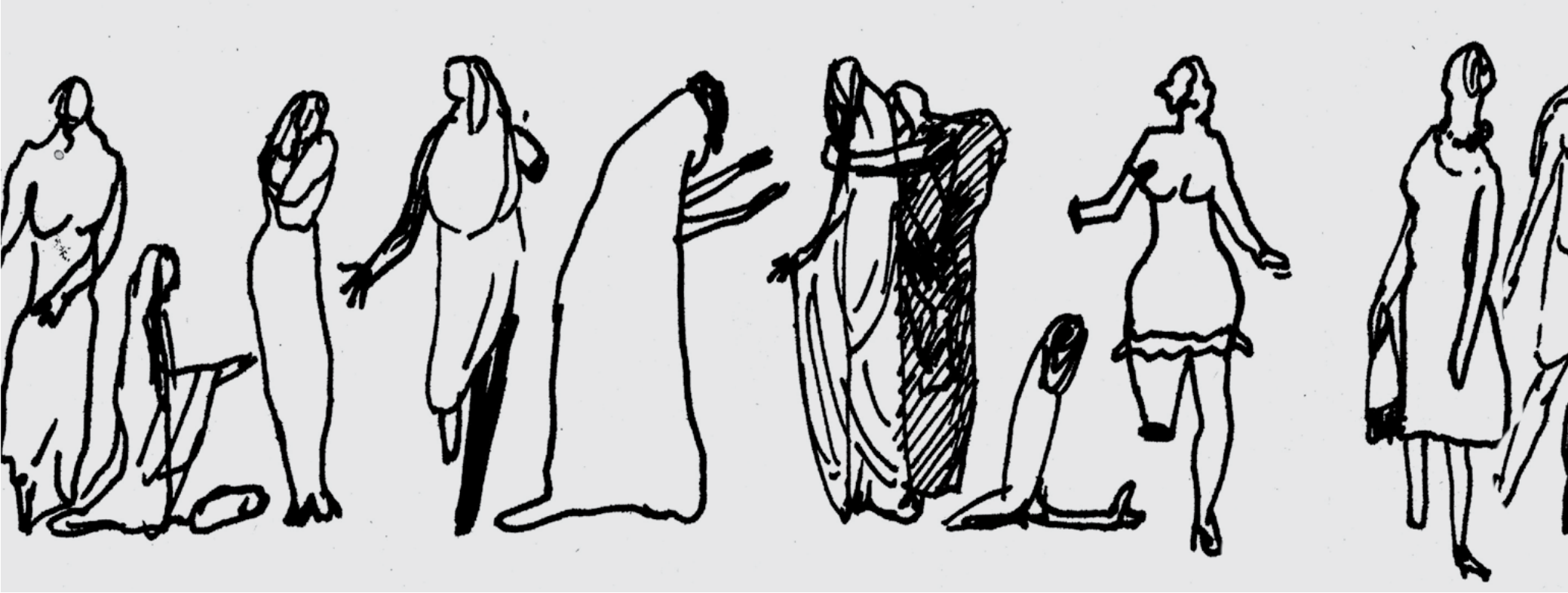
open paragraph he was some months old comma i could still rest his small head in my hand comma we were close to the window comma the soft spring light touched his face comma it changed quickly into evershifting expressions comma as if playing with comma reacting comma to the light comma how comma will i ever comma be able comma to answer this i thought comma how many of these faces will he later be able to remember question mark close paragraph

can make itself felt in the world only because the newcomer possesses the capacity of beginning something anew, that is, of acting.

open paragraph the heart comma is not a metaphor comma biologically speaking comma six years old comma he had a heart surgery comma this body comma loved comma beyond comma beyond comma with tubes as umbilical cords hanging from his opened comma sewn comma chest comma here comma one of the nights comma i watched over him comma he said comma one of the moments comma he rose to conciousness comma take comma some of my blanket comma share it comma so you won't get comma cold close paragraph

an element of action, and therefore of natality, is inherent in all human activities hannah arendt

Marie Silkeberg, poet, lives in Stockholm

безграничность характерна

начать абзац ночь запятая боль запятая началась запятая я не чувствовала страха запятая я слушала греческого композитора ксенакиса запятая его барабаны запятая напряженная барабанная дробь запятая я читала где-то что на мощные перекатывающиеся шумовые композиции его вдохновили толпы демонстрантов запятая идущих по улицам афин запятая как звуки движутся от хаоса к смыслу запятая направление запятая действие и задержка запятая начиная заново запятая другое направление запятая та же сила запятая ровная как колебание запятая как колебание запятая высшая степень напряжения завершить абзац

не только для политического действия

как если бы безграничность человеческих взаимосвязей следовала просто из безграничного множества вовлеченных в них людей, и избежать ее можно было бы только действуя в ограниченном, обозримом контексте. на деле малейший акт, в самых локальных обстоятельствах, несет в себе зерно той же безграничности, ведь достаточно одного поступка, или даже слова, чтобы изменить любое соотношение сил.

в узком смысле

начать абзац никогда запятая я не чувствовала запятая ничего подобного запятая тело запятая напряженная барабанная дробь запятая физические ощущения запятая можно было определить запятая как боль запятая но до того связанную запятая с менструацией запятая с сексом запятая знакомые запятая незнакомые запятая родовые муки завершить абзац

как если бы безграничность человеческих взаимосвязей следовала просто из безграничного множества вовлеченных в них людей,

раскрытая книга – это тоже ночь. я не знаю, почему я плачу, написав эти слова. маргерит дюрас

и избежать ее можно было бы только действуя в ограниченном, обозримом контексте.

начать абзац утро запятая усиливающиеся схватки запятая жидкость запятая жидкость запятая роды запятая горячая жидкость запятая он хранил молчание запятая комната запятая хранила молчание единственным движением запятая были его открывающиеся глаза запятая медленно запятая жидкость ушла запятая вся в крови и околоплодных водах запятая я дрожала запятая мокрая и замерзшая запятая я вглядывалась запятая вглядывалась запятая полнота ничто сливающиеся запятая завершить абзац

на деле малейший акт, в самых локальных обстоятельствах, несет в себе зерно той же безграничности,

моя подруга в дании – мать, усыновившая еще двух детей – звонит в публичную библиотеку узнать, разрешается ли нелегальным иммигрантам без документов, а следовательно и без идентификационного номера, необходимого во всех северных странах, когда имеешь дело с какими бы то ни было публичными учреждениями, брать в библиотеке книги. да, отвечает библиотекарша. чудом или, если угодно, благотворной наивностью является в этом рассказе не ответ, а вопрос.

ведь достаточно одного поступка, или даже слова, чтобы изменить любое соотношение сил.

начать абзац одним махом тире еще один ребенок запятая много других тире все фантазии запятая что тире будет с ними вопросительный знак исчезнут вопросительный знак растают запятая растворяться друг в друге вопросительный знак станут частью меня вопросительный знак ребенка вопросительный знак пространством между нами вопросительный знак завершить абзац

поступок теснее всего связан с рожденностью как человеческим состоянием. Новое начало, заложенное в рождении,

начать абзац ему было несколько месяцев запятая его головка еще умещалась у меня в руке запятая мы были возле окна запятая мягкий весенний свет касался его лица запятая оно стремительно меняло выражения запятая словно бы играя с ним запятая реагируя запятая на свет запятая сколько запятая смогу ли я когда-нибудь запятая ответить на этот вопрос думала я запятая сколько этих лиц он сможет потом припомнить вопросительный знак завершить абзац

делается ошутим в мире только постольку, поскольку новоприбывший обладает способностью начинать что-либо новое, то есть поступать.

начать абзац сердце запятая это не метафора запятая биологически говоря запятая в шесть лет запятая ему сделали операцию на сердце запятая это тело запятая любимое запятая сверх запятая сверх запятая с трубками как с пуповинами свисающими из его вскрытой запятая зашитой запятая грудной клетки запятая вот здесь запятая однажды ночью запятая я дежурила у его постели запятая он сказал запятая в одну из минут запятая когда сознание вернулось к нему запятая возьми запятая мое одеяло запятая укройся запятая не то простудишься завершить абзац

элемент поступка, а стало быть и рождения, присутствует во всех видах человеческой деятельности. ханна арендт

Мари Силкеберг, поэт, живет в Стогольме, перевод Александра Скидана

Precarias a la Deriva / Bodies, lies, and video tape: between the logic of security and the logic of care

written for magazine Diagonal in February, 2005
published on-line at <http://www.sindominio.net/karakola/precarias/cuidados/bodiesliesandvideo.htm>

In the present context, the logic of security is the principal form of taking charge of bodies and organizing them around fear, contention, control, and management of unease. This article is a first approach and analysis of the concept of the body managed through securitarian logic, in order to see forms of regulation that are being used and to feed practices that take root in the politically radical character of care. The logic of care that we propose recognizes interdependence, wagers upon cooperation, and articulates itself as a social ecology.

The modern conception of the body is founded on the division and hierarchization of mind/body and on the construction of the body as an individual self-regulating machine.[1] This schema, though still in force, is not enough for us in order to understand how our bodies function nowadays, many of them urban bodies, rapid, and rather stressed. Today the slogan ‘biology is not destiny’ functions, the body has become a place of construction where one can intervene, to make the body and negotiate with materiality itself.

We want to note two ideas that network within the mechanisms of regulation of bodies today. First off, the hypervisibility of the body within the securitary regime and secondly the pendular movement that takes place between the obsession for the self-cared-for (autocuidado) and (self)exploitation. The regime of security is the regime of vision, the videovigilance is a good example of this, a secure place has security cameras, those strategically situated cameras send a continuous image of the guarded place, a fixed image with variations over the long term, that only make sense in the speed of a rewind. The same thing happens with the image that the media offers of bodies and of feminine presence, we find a fixed, stereotyped scene, in which the velocity of the autumn-winter-spring-summer fashions permits us to see the argumental futility of supposedly transgressive or feminist attitudes (look at the case of Nikewomen) and how finally there only remains the fixed and homogeneous frame, white and heteronormative[2], disposable and disposed toward the consumer.

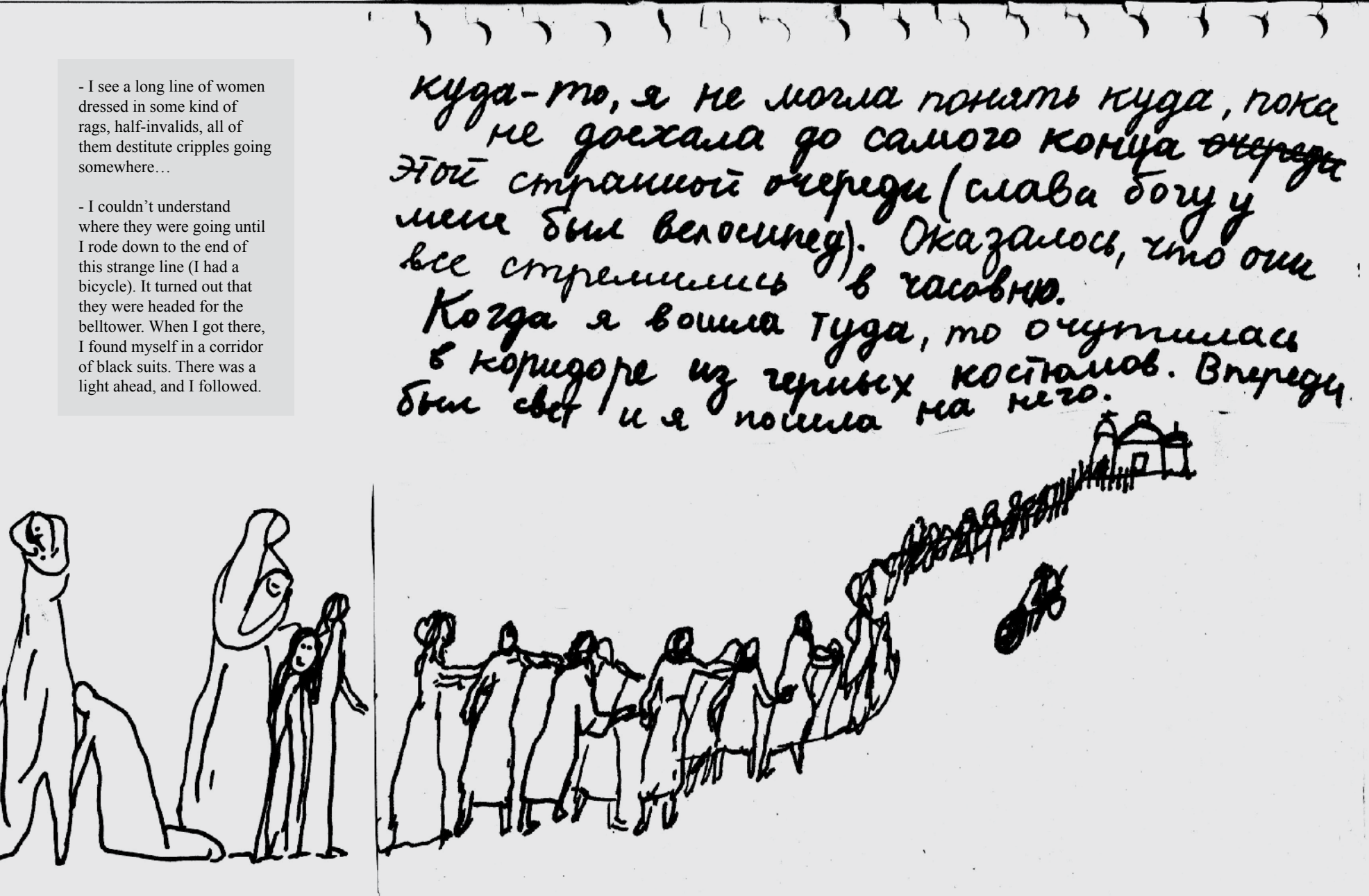
In second place, we can say that in Western societies there is a growing interest, along with the investment of time and money, in care for oneself. If this phenonemon is related to processes of medicalization of populations that began in the second half of the 18th century, now it is no longer only the medical institution that

inspects the body but rather this function has been interiorized by each individual. This displacement is accompanied by another important fact: obtaining care has passed to the consumer, far from any social conception of health and illness. Care, to the degree that it appears in the media, is a demand to maintain presence. In order to be healthy one must go to the gym, take riboflavin and turn to private medicine. But we simultaneously receive messages on how to profit from and improve the body, that is, how to yield more, how to overcome age, how to avoid catching a cold each winter, how to be more efficient on the job and in the home. That is to say, first we hypervitamin ourselves in order to later be able to put out extra hours, race across the city in order to collect the kids from school and be the coolest at the office party. Anxiety and unease arise when one insistently crosses the limits of the body.

If the body struggles, with the help of a whole gamut of products and specialists, against “free radicals” that make it grow old, the social body struggles in the same way against that other threat that debilitates and frightens it: terrorism. That the social body can age and sicken, that enemy remains hidden and lying in wait in the very center of the social, is something that no one is inclined to tolerate, something that merits aesthetic treatments, armored borders and all kinds of social liposuctions (progressive privatizations and shortages of public space or the trimming of rights and liberties), all this in order to permit normalized bodies to continue their bittersweet movement toward the commercial center. In the course of the derives [3], we heard accounts of many bodies, authentic places of resistance, that are confronted everyday with new forms of regulation: the body as a uniformed presence, in that the uniform marks the border that separates the domestic employee from the family in domestic work, the body of the prostitute as exotic and a tourist attraction, the body as a source of fatigue for the nurse, the body as voice, as a physical and tangible interface for the client-firm relationship in its supposedly “most human” side in the case of the telephone operator, the nearly adolescent body, necessarily easy-going in the fast food chain, the body exposed to work twenty four hours per day, all of them fragmented, with superimposed identities, always changing, in continuous learning and transformation through experience, through love, through age, through life definitively. The body is presence, but it is not only that, it is also a vehicle and a depository of all vital information, to normalize the body can so we are all the same size 36, or what is worse, that we all think and act in a manner foreseeable by the globalized market. But we already know that the forms of domination do not consist only in the exercise of violence but also in the active production of submission, and with our bodily uprisings we do not fit into these confining spaces, right?

- Notes:
1. The body that capitalism produced in its beginnings was a closed and finite circuit of energy whose econmy was sustained thanks to self-control, which assured the equilibrium of fluids. It was a body destined to produce in the factory and in reproductive heterosexual exchange. In this schema the living body was a commodity that functioned inside a restrictive economy, in respect to market exchanges as much as to the corporeal fluids. In the dawn of colonialism, the same economy of energetic regulation was entrusted with the conservation of the body as much as with the conservation of the European nation-states. In these configurations of the body and of the social, health was understood as a virtue cultivated to the degree that one participated in the circuits of normality.
 2. When we speak of heteronormativity, heterosexuality is considered, not so much as as a sexual practice but rather as a political regime. As a biopolitical technology aimed at the production of hetero bodies and ‘unifamiliar’ models of life, with their gendered distribution of tasks and assignments, fundamental to the sustainability of the capitalist system up to now.
 3. The phrase ‘a la deriva’ in the name Precarias a la deriva means ‘adrift’. The noun ‘deriva’ is translated in this arteile as ‘derive’ in order to preserve a common heritage with the reference to the theory and practice of the derive used by the Situationist International. Precarias a la Deriva take up the practice of the derive in a transformed fasion, as noted in «First Stutterings of Precarias a la Deriva», where the Precarias write, «[i]n the Situationist version of the drift, the investigators wander without any particular destination through the city, permitting that conversations, interactions and urban micro-events guide them. This permits them to establish a psycho-cartography based on the coincidences and correspondences of physical and subjective flows: exposing themselves to the gravitation and repulsion of certain spaces, to the conversations that come up along the way, and, in general, to the way in which the urban and social environments influence exchanges and attitudes. This means wandering attentive to the billboard that assaults you, the bench which attracts, the building which suffocates, the people who come and go. In our particular version, we opt to exchange the arbitrary wandering of the flaneur, so particular to the bourgeois male subject with nothing pressing to do, for a situated drift which would move through the daily spaces of each one of us, while maintaining the tactic’s multisensorial and open character. Thus the drift is converted into a moving interview, crossed through by the collective perception of the environment.»

For more texts in English by the Precarias a la Deriva look at <http://www.sindominio.net>

Precarias a la Deriva / Тела, ложь и видео: между логикой безопасности и логикой заботы

Впервые опубликовано в февраль журнале Diagonal, 2005

В сегодняшних условиях, логика безопасности стала основной формой заботы о телах и организации их с помощью страха, соперничества, контроля и управления беспокойством. В данном тексте мы обращаемся к анализу концепции тела, управляемого логикой безопасности. Задача - рассмотреть используемые формы регуляции и предложить практики на основании политически радикальной логики заботы. Последняя признает взаимозависимость, ставит на со-трудничество и представляет из себя форму социальной экологии. Современная концепция тела постулирует разделение и иерархию разума/тела, рассматривая тело как индивидуальную саморегулирующуюся машину (1). Такая модель работоспособна, но не поможет понять, как функционируют наши тела сегодня - множества городских тел, очень быстрых и очень усталых. Сегодня актуален лозунг “биология - еще не судьба”: тело становится стройплощадкой, оно открыто вторжению - ре-конструкции тела в диалоге с самой материальностью.

Хотелось бы упомянуть две идеи, связанные с современными механизмами регуляции тел. Во-первых, сверх-видимость тела внутри режима безопасности, а во-вторых - колебательное движение между навязчивым желанием заботы-о-себе и (само)эксплуатации. Режим безопасности суть режим видения, видеонаблюдение - хороший тому пример. Безопасное место оснащено камерами видеонаблюдения. Они размещены по продуманной схеме и ведут непрерывную трансляцию охраняемых пространств: статичное изображение, изменения которого становятся заметны лишь при ускоренной перемотке длительного периода записи. То же можно сказать про изображение тела и женского присутствия в медиа: неизменная клишированная сцена, в которой быстрая смена времен года заставляет видеть тщетность трансгрессивных или феминистских практик (как в случае Nikewomen); в результате остается одно единое статичное поле: белое и гетеронормативное(2), доступное и раскрытое к покупателю. Можно обнаружить в западных обществах растущий интерес к заботе о себе - наравне с инвестициями времени и денег. Этот феномен связан с начавшимся во второй половине 18го века процессом медиализации населения, однако сегодня тело осматривается не медучреждением, но самим человеком - индивид интериоризовал эту функцию. Сопровождается такая подмена еще одним важным фактором: получение заботы переросло в заботы покупателя, и не имеет ничего общего с концепцией общественного здоровья (или болезни). Збота - в той мере, в какой она представлена в

медиа - требуется для поддержания присутствия. Но мы одновременно получаем информацию о том, как извлечь прибыль и улучшить свое тело, то есть как больше заработать, как преодолеть старение, как не подхватить простуду зимой, как более эффективно справиться с работой и быть активнее дома. Получается, мы накачиваем себя витаминами, дабы отработать сверхурочные, помчаться на другой конец города забирать детей из школы, а потом блистать на офисной вечеринке. Когда человек постоянно находится на пределе физических возможностей, растут тревога и беспокойство.

Тело при пособничестве самых разных товаров и специалистов борется со “свободными радикалами”, старящими его, а социальное тело подобным образом противоборствует другой пугающей и истощающей угрозе - терроризму. Социальное тело может стареть и болеть, а враг спрятался в самом центре общества - но никто не намерен это терпеть, это требует эстетической хирургии, солдат на границах и всех видов социальной липосакции (продолжающаяся приватизация и дефицит публичного пространства, сокращение прав и свобод) - все для того, чтобы нормализованные тела продолжили свое кисло-сладкое движение к торговым центрам. По ходу наших дрейфов-derive(3), мы слышали свидетельства многих тел, настоящих пространств сопротивления, которые ежедневно сталкиваются с новыми формами регуляции: тело как унифицированное присутствие, униформа размечает границу, отделяющую домашнего сотрудника от семьи за домашней работой; тело проститутки в качестве экзотического аттракциона туристов; тело как причина усталости медсестры; тело как голос, как физический, осязаемый интерфейс взаимодействия компании с клиентом, когда компании нужно показать свое “человеческое лицо” - оператора телефонного-центра; почти-взрослое тело, обслуживающее вас в общепите; тело, работающее двадцать четыре часа в день - все эти тела фрагментированы, прикрываются идентичностями, непрестанно изменяются в постоянном обучении и трансформации через опыт, любовь, старение, через неотвратимость самой жизни. Тело суть присутствие, но не только - оно также является мобильным вместилищем всей жизненно важной информации: нормализовать тело - значит не просто заставить нас всех носить один размер, но, что хуже, заставить нас всех думать и действовать согласно требованиям глобального рынка. Но мы уже знаем, что формы господства проявляются не только через свою жестокость, а также и через активное производство покорности; мы с нашими бунтующими телами не вписываемся в подобные ограниченные пространства, не так ли?

Примечания:

1. На первых этапах капитализма, производимое им тело представляло собой закрытую и замкнутую энергоцепь, экономии которой поддерживал самоконтроль, обеспечивавший баланс токов. Тело это предназначалось для фабричного производства и репродуктивного гетеросексуального обмена. Живое тело в этой схеме становилось товаром внутри ограничивающей экономики, одинаково зависимым как от внутренней секреции, так и от рыночного обмена. На заре колониализма, та же экономия энергетических регуляций потребовала сохранения тела подобно сохранению европейских национальных государств. В таких конфигурациях телесного и социального, здоровье понималось как благо, культивируемое в той степени, в которой человек участвовал в цепи нормализации.
2. Говоря о гетеронормативности, гетеросексуальность рассматривается не столько в качестве сексуальной практики, но скорее как политический режим; как биополитическая технология по производству гетеро-тел и общеизвестных моделей жизни, подразумевающих гендерное разделение задач и работ - что до сих пор служило фундаментом капиталистической системы.
3. Слова “a la deriva” в названии Precarias означают “по течению”. Существительное “deriva” переводится в настоящем тексте как “derive” (дрейф) с целью поддержания связей с теоретическим и практическим наследием derive в понимании Ситуационистского Интернационала. Precarias a la Deriva развивает и преобразует практику derive, как описано в “Первых заиканиях Precarias a la Deriva”, где сказано: “в ситуационистской версии дрейфа, исследователи блуждают по городу без всякой определенной цели, отдаваясь на волю разговоров, встреч и прочих городских микрособытий. Благодаря этому создается психогеография на основе случайностей и соположений физических и субъективных потоков: отдаваясь притяжению и отторжению определенных пространств, случающимся по ходу беседам, общему влиянию на обмен и мнения городских и социальных сред. Это требует от блуждающих внимания к атакам вывесок, призывам скамеек, удушливости зданий, к проходящим и исчезающим людям. В нашей же версии, мы стремимся отказаться от произвольного блуждания фланера, столь свойственного ничем не занятому буржуа-мужчине, в пользу планированного дрейфа по местам повседневности каждого из нас, при сохранении тактики мультисенсорности и открытости. Дрейф преобразуется таким образом в движущееся интервью, которое пересекает коллективное восприятие среды.” (подробнее см. Что Делать № 6 – «Дрифт. Нарвская Застава» www.chtodelat.org)

Елена Гапова | О ЗАБОТЕ И РАБОТЕ

Женщины вынашивают, рожают и вскармливают. Эта деятельность необходима для воспроизводства, без которого человечество не может продолжаться. Однако именно эта общественно необходимая деятельность при исторически сложившемся социальном порядке ставит их – как матерей – в особое «неавтономное» положение.

Исторически идея «автономии» - независимой субъектности и в то же время полноценной «человеческой принадлежности» - была связана с категорией гражданства. Еще Аристотель, который считал основой гражданства дружбу, полагал, что женщины и рабы не способны подняться до ее понимания. На самом же деле ни те, ни другие не обладали ресурсами или статусом, который позволял им считаться атвономными: они всегда принадлежали кому-то. Когда же идея «гражданства» (противовес средневековому подданству) оформилась во Франции 18-но века во всей своей социальной сложности, женщинам было отказано во включении туда на основании якобы присущих им «черт личности». Руссо и другие серьезные мужчины утверждали, что для того, чтобы быть независимыми субъектами, женщинам не хватает рациональности, способности мыслить абстрактно и объективно, а также «отвечать за себя». Эти особенности выводились из «женской природы», однако современная социальная теория объясняет их отсутствием у женщин ресурсов (или возможности доступа к ним, например, профессии), которые позволяли бы им реализовывать автономию. Необходимые качества, считаясь «личными», должны, однако, признаваться другими людьми, что возможно только через социальное взаимодействие в публичной сфере, из которой женщины были исключены.

Постепенно различие между теми, кто обладал индивидуальной атвономией и теми, кто был к ней неспособен, оформилось в различие между экономически зависимыми и независимыми, а также между мужчинами и женщинами. Женщины часто попадают в одну категорию с «бедными»: и те, и другие не обладают ресурсами, необходимыми для реализации независимости, а не имеют они их потому, что заняты деятельностью, которой не приписывается экономическое значение: вынашиванием, вскармливанием и уходом. Согласно К. Марксу, при капитализме является производительным и обладает стоимостью только тот труд, который может быть «обменен». Если товар не продан, его стоимость как бы не существует. Таким образом получается, что выполняемая женщинами как матерями работа не дает стоимости: даже работая «на износ», такая работница не будет иметь необходимых экономических ресурсов. Для их получения ей надо выйти за стены дома и делать что-то другое.

Может показаться, что социализм решил эту проблему, «социализовав» некоторые семейные функции и, таким образом, позволив женщине «уйти на работу». Однако при этом возникает другая проблема (о получившейся двойной нагрузке я здесь не пишу): необходимая для работающей матери поддержка возможна только при социалистическом, т.е. административном, способе распределения ресурсов, а это чревато по крайней мере двумя последствиями.

Первое состоит в том, что при социализме нет рынка, а потому никакой труд, строго говоря, не обладал стоимостью, т.к не продавался. Работники получали средства к существованию от государства как отца, а в такой «семье» никто, не только женщины, не является независимым или, по-либеральному, автономным. Необходимые для осуществления автономии ресурсы нельзя взять просто так: их необходимо заработать.

Второе следствие состоит в том, что такое «дружественное» по отношению к женщинам распределение возможно только при социализме. Оно несовместимо с капиталистической идеей экономической рациональности и эффективности или, иначе говоря, с оптимизацией получения прибыли. Как только социализм сменяется соревновательной экономической системой, основанной на интересах индивидуальных экономических акторов, возвращается и старое противоречие между продуктивным и репродуктивным трудом, которое в современной глобализованной и чрезвычайно конкурентной экономике, так называемом «новом капитализме», принимает новые формы.

Одной из черт такого капитализма социологи считают возникновение «новой трудовой модели», основанной на логике «корпоративного контроля» и предполагающей фундаментальные изменения в характере труда. При новом характере занятости работа часто представляет собой последовательность временных проектов, которые выполняют отдельные, каждый раз заново создающиеся группы; входящие в основной проект отдельные подпроекты

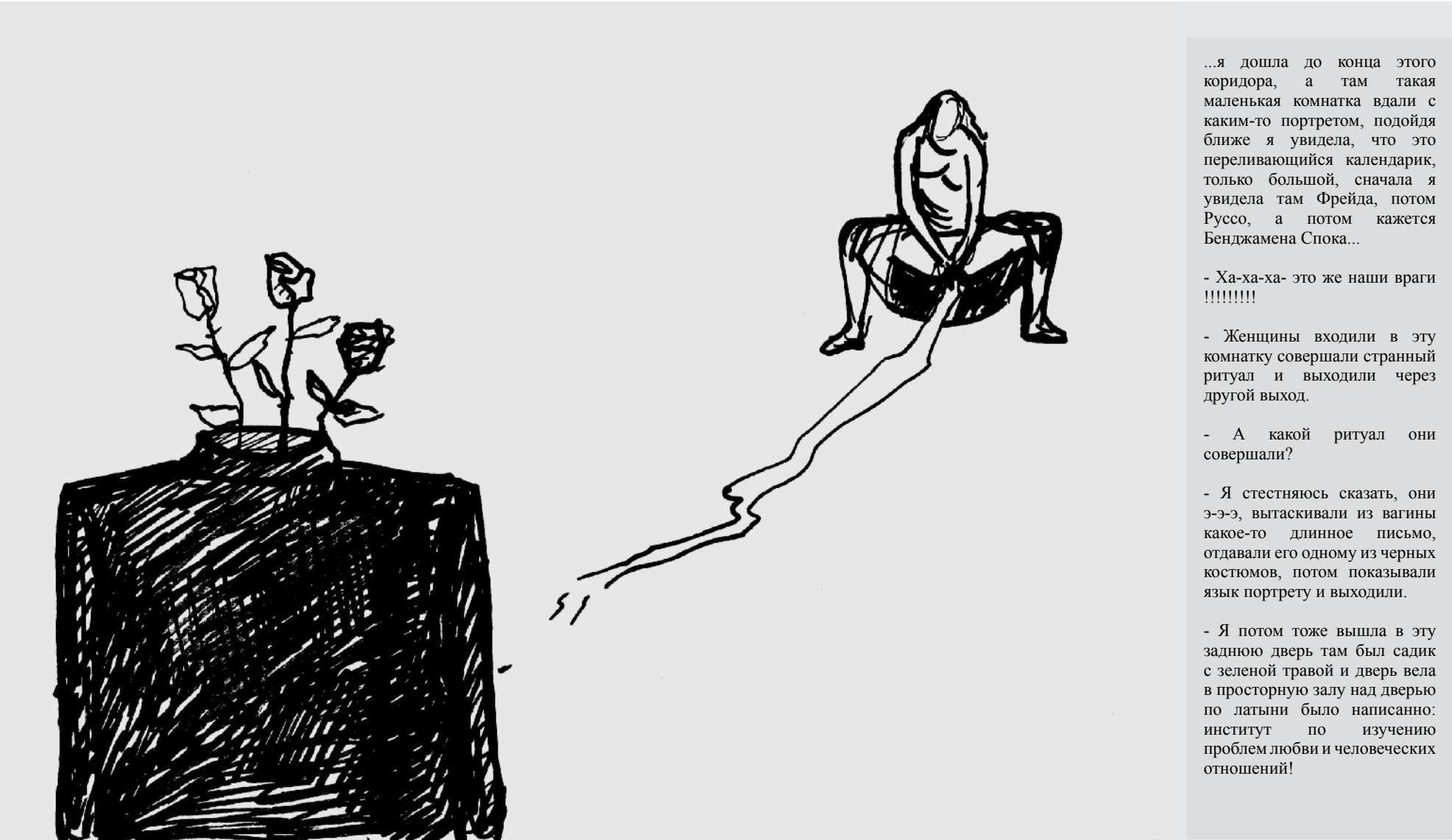
могут направляться другим, часто виртуальным, коллективам в другие страны и даже части света, а непосредственный контроль над рабочим временем сотрудника со стороны корпорации заменяется его собственным интенсивным планированием и ответственностью. По сути дела, человек сам себя сознательно и добровольно контролирует. Новый идеальный работник характеризуется как интенсивным и активным производством и продажей своих «трудовых качеств» на рынке, так и сознательным подчинением своей повседневной жизни и долговременных планов интересам «дела». Он принимает работу как часть «частной жизни» и, таким образом, происходит ее полная коммерциализация.

Постсоциалистический рынок, отправив целые группы работников туда, где смешно даже говорить об автономии, в то же время обеспечил некоторым категориям увеличение вознаграждения, потребовав взамен работу на новом «контракте». Этот контракт требует автономного, компетитивного, не боящегося рисков, «глобального» сотрудника, который каждый день предлагает на рынке свои трудовые качества, постоянно убеждая нанимателей в своем особом потенциале и исключительности. Происходит капиталистическое соревнование по наилучшей продаже себя. Такая система привносит кардинальные изменения в жизнь своих членов, т.к. работник существует в ней до тех пор, пока в нем етсь необходимость. Идеальный работник в конкурентной системе нового капитализма только теоретически является бесполом. В новой экономике, где ничто не должно мешать получению прибыли, «личные проблемы» работника как бы выносятся за скобки. Корпорации все равно, как он их решает, однако от этого они не исчезают сами собой ни из жизни общества, ни из жизни «глобальных» работников: ими просто занимается кто-то другой. В этот момент, когда происходит разделение на тех, чья жизнь подчинена профессиональному «производству себя» и на тех, кто будет заниматься «семейными делами», в систему включается пол с его проблемами автономии. Так как концепция работы, в которой существует постоянный контракт, права работников, бюллетень, пенсия и ограниченное рабочее время, практически отменяется, мужчины, в связи с их меньшей занятостью работой по воспроизводству, получают преимущества перед женщинами.

Предполагаемая трудовая автономия, теоретически возникающая при отсутствии прямого контроля над работником, вовсе не означает его независимости, потому что в новом соревновании контроль постоянен: работодателю ты нужен полностью и в любое время. Для него важен конечный результат: его стоимость, качество и своевременное выполнение, а не социальные условия производства, которые изменились самым драматическим образом. Когда такие пропагандисты неолиберализма, как Всемирный банк и МВФ, вырабатывали идеологию постсоветских экономических реформ, они предусмотрели частичную деконструкцию государственной (т.е. бесплатной) системы социальных услуг, т.к. считалось, что они препятствуют экономической эффективности. Таким образом, «забота» как та работа, без которой общество не может существовать, была делегирована из государственной сферы в частную, домой. В семьях с двумя работающими ее часто выполняют наемные работники (которые в большинстве своем являются женщинами – и вопрос об их «автономии» интересен сам по себе), но обычно этим занимаются жены. Делегирование «заботы», т.е. огромного количества трудоемкой работы, в женские руки требует нового «одомашнивания» женщин, лишения их автономии, их «защиты» и помещения их снова внутрь «семьи и дома» в качестве жен, либо же сексуального потребления их в качестве проституток, т.е. в любом случае помещения их в ту ситуацию, в которой они «не смогут отказаться» от делегируемой им работы. Они «не смогут отказаться», потому что в процесс постсоветского классовобразования они оказываются исключенными из той деятельности, вокруг которой выстраивается автономия и независимость.

Как оказалось, когда в 1970х и 1980х советские и восточноевропейские диссиденты мечтали о правах человека и будущем гражданском обществе, они полагались на мужские концепты независимости и индивидуальности, но едва ли хоть кто-то в то время концептуализировал будущую свободу в таких понятиях. Мысль, что не все окажутся свободны в равной мере, просто никому не приходила в голову.

Елена Гапова, директор и основатель Центра Гендерных Исследований (<http://gender-ehu.org>) Европейского Гуманитарного Университета в Вильнюсе (Белорусский Университет в изгнании), член издательского совета журнала The Slavic Review.

...я дошла до конца этого коридора, а там такая маленькая комнатка вдали с каким-то портретом, подойдя ближе я увидела, что это переливающийся календарик, только большой, сначала я увидела там Фрейда, потом Руссо, а потом кажется Бенджамена Спока...

- Ха-ха-ха- это же наши враги !!!!!!!!

- Женщины входили в эту комнатку совершали странный ритуал и выходили через другой выход.

- А какой ритуал они совершали?

- Я стесняюсь сказать, они э-э-э, вытаскивали из вагины какое-то длинное письмо, отдавали его одному из черных костюмов, потом показывали язык портрету и выходили.

- Я потом тоже вышла в эту заднюю дверь там был садик с зеленой травой и дверь вела в просторную залу над дверью по латыни было написано: институт по изучению проблем любви и человеческих отношений!

Elena Gapova | OF CARE AND COMPETITION

Women do reproductive work - giving birth, breastfeeding and nurturing – without which human continuity is not possible. But this very reproductive work that they do as mothers, that makes them vulnerable, because it confines them to the lack of autonomy. Historically, the idea of autonomy was connected with the notion of citizenship. In Antiquity, Aristotle believed that citizenship was based in ‘friendship’ and denied the capability to grasp its notion to women and slaves, i.e. to those who lacked either resources or status positions to be seen as autonomous: they always belonged to someone. When the idea of citizenship was coined in its modern complexity in eighteenth-century France, women were denied full inclusion on the basis of their ‘special traits.’ Rousseau and other Enlightenment thinkers argued that women did not possess the qualities of autonomous subjects necessary for being citizens: they were not rational enough, their moral judgment was too partial, they were not capable of self-representation or grasping the concept of objectivity. The lack of these qualities was viewed as women’s nature; now we think of this denial of autonomy as derived from women’s lack of resources (or lack of access to resources). And access to citizenship was allegedly based on ‘identity features’ of individuals, yet their identity depended on the recognition by others, on the external confirmation of autonomous individuality and independence through social interaction. The distinctions between those who possessed the necessary ‘autonomy’ and those who did not have the autonomous individuality were eventually worked out to be of two types: between those who were economically and socially dependent and independent, and between women and men. Women and the poor are often (especially in the welfare state) seen in the same category. Like the poor, they do not have the resources that are necessary to exercise agency and be recognized by others as autonomous subjects, and they do not have them because they are busy doing something, which is not ascribed an economical value. They do reproductive work: birthing, nurturing and caring. Marx argued that under capitalism ‘only labor that is exchanged against capital is productive labor and produces value’ and that if the good is not sold, its value cannot be realized or even said to exist. Thus, the work that women do produces no value: you can work your guts out, but still have no resources that matter economically. In this sense reproductive work does not provide the means to become autonomous subjects: only work outside the home does. If agency is impossible without economic independence, socialism seemed to repair the situation, having socialized many of the family’s functions and thus providing women with the opportunity to work outside the home. Putting aside the issue of the double burden, that necessarily comes to mind in association with ‘women’s work,’ the main problem with it is that the support of working mothers was tied to the socialist system of resource allocation. This has two important implications. The first one is how this type of resource allocation – not through the market, but through state policy – shapes agency. As there was no market, no kind of work had ‘value’ in the old capitalist sense. Everyone contributed one’s labour for the general good, receiving in reciprocity resources from the father-state (at least ideally) and then everyone lacked autonomy to some extent. In a sense, socialism denied liberal subjectivity, which is about active agency, to everyone, not just women. It promised (and largely provided) equality and livelihood, but made citizenship problematic: that was rather about formally having a national passport, than about being able to confront the state. The resources needed to enter active citizenship cannot be ‘given:’ they should be earned. The second implication is that this kind of social provision can exist only in conjunction with socialism as the system of providing for everyone: it is incompatible with the capitalist idea of economic rationality and efficiency or, in other words, with the pursuit of profit. When the system changes from socialism to the one built around economic competition and driven by the interests of individual economic actors, the old contradiction of paid work versus reproductive work returns.

In today’s globalized and competitive economy, a ‘new employment model’ is in the making. Conceptualizing it, German sociologists H. Pongratz and G. Gunter argue that the current trend of ‘new capitalism’ results in the ‘new logic of corporate labor control, and therefore a fundamental change in the nature of employment.’ New forms of employment are characterized by enhancing the employee’s own responsibility, by more work becoming project-based (i.e., temporary) and done in groups, by outsourcing and subcontracting, by organizing virtual companies and by corporations substituting direct control over their employees with their own intensified independent planning

and responsible autonomy. The new ideal worker is characterized by intensified active and practical ‘production’ and commercialization of one’s own capacities on the labour market and inside companies, as well as by self-determined organization of one’s daily life and long-term plans, and by willingness to accept the company as an integral part of life.

The post-socialist labour market relegated whole groups to the status where even thinking of autonomy is ridiculous, while it granted some workers an increase in wages; in return, it demanded a different type of work contract. The new arrangement is based on the idea of an autonomous and competitive, risk-taking ‘global’ worker, who must constantly market one’s capacities, proving that s/he is needed, and be the entrepreneur of one’s own potential. At this point the capitalist competition, which is about who can better sell oneself, is created. It brings profound changes into the life of those participating in it, for you can be there only as long as you are needed. The ‘entire context of life is commercialized.’ The ideal worker, overtly ‘neuter,’ is still gendered. Within the new economy, one’s ‘private matters’ are not supposed to interfere with the company’s pursuit of profit, but these matters are not absent from the life of the society and even from the lives of ‘global’ workers: someone else just takes care of them. It is at the point of the segregation into who dedicates one’s life to being competitive, and who takes care of ‘other things,’ when gender becomes important and embedded in the old issues of autonomy. As the very ‘concept of a ‘job’ – a working place with a contract, employees’ rights, sick leave, retirements, working hours – is being abolished,’ men get a privilege over women in the new economy, because of the unequal distribution of capacities to cope with the specific dilemmas of self-organized work. The implied employee autonomy, when direct supervision has been eliminated, does not really mean independence, for in the new competition the control is permanent, as the employer needs you ‘totally, exclusively, anytime. What matters is the final product: its cost, quality and meeting a deadline, and not the social context of its production, which has changed drastically. Post-Soviet radical economic and social reforms, carried out with the advice of such proponents of neo-liberal economics as the World Bank and the International Monetary Fund, included partial dismantling of the system of social services. When receiving Western loan money, enterprises were required to turn their social services elsewhere, as these were impending economic efficiency. Thus with the change in social policy, caring work, without which no economic or social system can function, was relegated from the state to the private sphere. In households with perceived lack of time care may be provided by hired domestic workers (who are always women – and it could be interesting to see what happens to their autonomy), but most often it comes from wives. Passing over reproduction and caring into women’s hands demands re-domestication of women, ‘protecting’ them and placing them within the private as wives, or consuming their sexuality as prostitutes, i.e., confining them to the situation where they ‘cannot refuse’ to do the work relegated to them. They ‘cannot refuse’ because in the process of the rise of masculinity – which is a necessary part of post-socialist class formation – they were excluded from activities on which autonomy and active agency can be built. When East-European dissidents in the 1970s and 80s were theorizing citizenship and civil society, they relied on male concepts of agency and individuality, but hardly anyone was judging the future freedom in those terms back then. Their goals celebrated democracy, individual autonomy and human rights, and the post-1989 institutional and cultural context did put the emphasis on ‘free agents’ and ‘independent individuals.’ The idea that not everyone was going to be free in the same way did not occur to those well-intentioned dissidents.

Elena Gapova, Director and founder of the Centre for Gender Studies (<http://gender-ehu.org>), European Humanities University, Vilnius (Belarusian University in Exile in Lithuania); member of the editorial board of The Slavic Review

- I went to the end of this corridor and there was this tiny little room far in the back with some kind of portrait on the wall. When I got closer, I discovered that it was fold-over calendar, and a really big one too; first I saw Freud, then Rosseau, and then I think I saw Benjamin Spock...

- Ha ha ha, those are our enemies!!!!!!

- The women came into the corridor and performed a strange ritual and then left through the other door.

- What was the ritual?

- It's a little embarrassing, they hmmmhm pulled some kind of long letter-scroll from their vaginas, and gave it to one of the black suits, then stuck out their tongues at the calendar-portrait and left!

- Later, I also left through the backdoor and came into a garden with green grass and a door led into a vast hall with an inscription above the door in Latin that read: Institute for the Study of Love and Human Relations!

А для этого нужно ежедневно убивать в себе германский козырь!

Да, а это девушка сделала куратом пусть она делает проект с германскими костюмами.

ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ

Еще даем быть отдал критического анализа.

Понятно, что власть это не мать, но надо стремиться к маме, чтобы...

Быть как можно меньше!

формальный!

ОБ ЭТОМ СМ. СЛЕДУЮЩИЙ КОМИКС: УБИЙСТВО ЧЁРНОГО КОСТЮША!

Caroline Malmstrom | A short introduction to the conditions of Swedish children and their mothers

During the 20th century Sweden went from being an almost all-blonde, agricultural kind of society to a multicultural society based on duty and education. A reduced number of newborn babies, less people living in confined quarters and increased economical resources for the households were some of the results. Accordingly, the Swedish people have more space and more money but reproduce themselves less than before. Also, fewer babies are born today in families situated in Stockholm compared to the rest of the country (1.79 to 1.83 per family). During the 1930’s a motherhood insurance was introduced to Swedish women. In 2007 the parental benefits have been extended and guarantee both mothers and fathers the possibility to combine work with having children. For example can parental allowance be paid out for 480 days and depends on the parents earlier income. The child allowance, introduced in 1947, is paid every month until the quarter of the child’s 16th birthday. Today it is SEK 1050 and further child allowance supplement can be paid out if you have more than one child. Regarding gender equality, one can note that 80% of the parental leave-days are used by the mother and only 36% of the parental allowance when a child gets sick is used by the father. As the number of people in traditional working class occupations and the number of peasants were reduced the number of civil servants grew extensively. This has also resulted in increased economical resources for families with children. But there are still large differences between different kinds of families. Today, the median wage for partners living together with children is SEK 157 000 per person and year, and for couples living together without children it is SEK 219 000. Single mothers with children has a median wage on SEK 109 000. The proportion of women working has also been increased. 80% of the Swedish women were working in 2005, compared to 60% in 1970. To be economically supported by your husband isn’t very common. Though Sweden has seen a sort of lobbying for the housewife’s status the past few years, only 2% of the Swedish female population between 20-65 years are taking care of the household full-time. In 2008 the right-wing government will introduce a care allowance for those parents who want to take care of their one to three year old baby in their own home full-

time. The allowance is up to SEK 3000 and it is the municipality who decides whether its inhabitants can benefit from it. This has been a controversial issue in Sweden and critics have pointed to potential negative consequences for overall gender equality. Today, 84% of the one to six years old children attend municipal child-care, then they start school at the age of seven. Sweden is the third most gender equal country in the world according to UNDP’s gender equality index of power, influence and income. How this relates to the family and the household differs depending on who you ask. Research shows that women perform the same amount of paid as unpaid work, and men perform twice as much paid work as women do. When Swedish women have children it is common to change from full-time to part-time work after coming back from parental leave. Women who gave birth in 1996 lost 25% of their income when returning to work, probably mostly because of this decision. The Swedish system is in many cases a great support for families with children, but as statistics Elisabeth Landgren Möller and Gun Alm Stenflo remarks problems still exists. Because of part-time work, women fall behind in wage development and since the career of the male part of the relationship often is given priority the gender equality at home becomes undermined. Pregnant women also seem to be discriminated by employers, and because of high requirements from working life the spare time with the children are very limited. Landgren Möller and Alm Stenflo propose a solution where it is advantageous to have children when working life isn’t so stressful. Another proposition that caused the “child-care debate” came from Swedish writer and researcher Nina Björk: “Six hours working day for all parents and a special prohibition towards fathers with small children working full-time.” The question is how, and if, the Swedish people want this to change?

Sources: The Swedish Government, the Swedish Equal Opportunity Ombudsman and SOU 2001:55; Barn och ungdomars välfärd (governmental inquiry). All of the statistics are collected from the Swedish Statistics database, <http://www.scb.se> Thanks to sociologist Ph. D Marie Evertsson at Stockholm University for comments and input.

Каролине Мальстром | Краткое введение: положение детей и матерей в Швеции

В двадцатом веке Швеция превратилась из “белой” страны аграрного типа в многонациональное общество, где ценится гражданский долг и воспитание. Это повлекло, среди прочего, снижение рождаемости, сокращение населения отдаленных районов, рост благосостояния семьи. У шведов появилось больше пространства и больше денег, но размножаться они стали медленее. К тому же, рождаемость в Стокгольме сегодня ниже, чем в других частях страны (1,79 против 1,83 на семью). В 1930-х в Швеции было введено материнское пособие. С 2007 года родительские пособия распространяются не только на матерей, но и на отцов, гарантируя им возможность работать и воспитывать детей. К примеру, родительское пособие может выплачиваться в течение 480 дней, а размер его зависит от доходов родителей в прошлом. Пособие на ребенка, введенное в 1947 году, выплачивается ежемесячно до квартала достижения ребенком 16-летия. Сегодня оно составляет 1050 шведских крон (около 4 тыс. рублей), плюс дополнительные пособия для семей с несколькими детьми. Примечательно, что матери берут 80% “родительских” отгулов, а отцы используют только 36% - в случае болезни ребенка. Одновременно с сокращением рабочих мест в традиционных профессиях и в фермерстве, значительно вырос штат госслужащих. Следствием этого также стало улучшение материального положения семей с детьми. Однако, до сих пор сохраняются значительные диспропорции между различными типами семей. Сегодняшний средний доход полной семьи с детьми составляет 157 000 крон (600 тыс. руб.) на человека в год, тогда как бездетные пары имеют доход 219 000 крон (830 тыс. руб) на человека. Средний заработок матерей-одиночек с детьми равен 109 000 крон (415 тыс.руб.). Доля работающих женщин также возросла: если в 1970 году в Швеции трудились 60% женщин, то в 2005 году уже 80%. Не так часто женщины живут на обеспечении мужа. Хотя статус домохозяйки в последние годы несколько повысился, только 2% шведок в возрасте между 20 и 65 годами посвящают все свое время работе по дому. С 2008 года правое правительство планирует ввести пособие для родителей, желающих полностью посвятить себя воспитанию ребенка в возрасте от одного до трех лет. Размер пособия составит до 3000 крон (11,4

тыс.руб.), а решать вопрос о назначении будут городские муниципалитеты. Эта инициатива вызвала в Швеции немало споров, критики опасаются возможного роста неравенства полов. Сегодня муниципальный детский сад посещают 84% детей в возрасте от одного до шести лет, а с семи лет они идут в школу. В индексе равенства полов (по показателям власти, влияния и дохода UNDP (Программы развития ООН), Швеция занимает третье место. Согласно исследованию, женщины выполняют столько же оплачиваемой, сколько и неоплачиваемой работы, тогда как мужчины выполняют вдвое больше оплачиваемого труда, чем женщины. Возвращаясь из декретного отпуска после рождения ребенка, шведские женщины часто меняют полную ставку на частичную занятость. Скорее всего, именно поэтому родившие в 1996 году женщины потеряли 25% дохода по возвращению к работе. Шведская система во многих случаях оказывает огромную поддержку семьям с детьми, однако статистика, собранная Элизабет Ландгрэн Меллер и Гун Альм Стенфло показывает, что проблемы по-прежнему сохраняются. Неполная занятость приводит к падению заработка женщин, а мужчины чаще отдают приоритет карьерному росту, вследствие чего возникает межполовое неравенство. Имеет место дискриминация беременных женщин работодателями; по причине высоких требований на рабочем месте, времени на детей остается все меньше. Ландгрэн Меллер и Альм Стенфло предлагают набор мер, поощряющих рождение детей, если работа не столь обременительна. Шведская писатель и исследователь Нина Бьёрк предложила ввести “шести-часовой рабочий день для всех родителей, и отдельный запрет на полноедневное трудоустройство мужчин, воспитывающих маленьких детей.” Вопрос в том, как реализовать это, и хотят ли того шведы?

Примечания:
Основные данные взяты из The Swedish Government, the Swedish Equal Opportunity Ombudsman. Вся информация из базы данных Swedish Statistics: <http://www.scb.se>
Спасибо социологу Стокгольмского университета Мари Эвертссон за комментарии и дополнения.

- naïve girls, the country is sliding into a dictatorship and they’re dreaming of some kind of institution based on love.

- Hey, love, let’s go to bed! You’re just tired, but we’ll do it all somehow, we’ll potentiate the powerless to an infinite degree, you’ll see!

WE DEMAND!

ТРЕБУЕМ!

The Strike and its demands give a unique framework for grassroots women and girls to express our needs whatever our situation, race, nationality, age, income, occupation, dis/ability, sexual preference . . . in towns and cities but also in villages, where most of us live. We hope that whatever demands you highlight or add, you will list them ALL. The demands unite everyone taking part in the Strike, and to each local action they bring international power. The anti-globalisation, anti-war movement, to which women are contributing so much hard work and energy, is just beginning to recognise that Invest in Caring not Killing is a perspective for winning.

There has never been so much wealth in the world and there have never been so many of us, starting with women and children, who have nothing. At this crucial moment, we women must make our voices heard and our collective power felt.

DEMANDS:

- Payment for all caring work - in wages, pensions, land & other resources. What is more valuable than raising children and caring for others? Invest in life and welfare, not military budgets or prisons
- Pay equity for all, women and men, in the global market. Food security for breastfeeding mothers, paid maternity leave and maternity breaks. Stop penalizing us for being women.
- Don't pay 'Third World debt'. We owe nothing, they owe us.
- Accessible clean water, healthcare, housing, transport, literacy.
- Non-polluting energy & technology which shortens the hours we work. We all need cookers, fridges, washing machines, computers, & time off!
- Protection & asylum from all violence & persecution, including by family members & people in positions of authority.
- Freedom of movement. Capital travels freely, why not people?

WHY GO ON STRIKE?

Women do the work of giving birth to, feeding and caring for the whole world. Those in whom we have invested our lives are slaughtered as 'collateral damage' or turned into killing machines. And so we have been central to every anti-war movement. It is a disaster that only half the human race is trained to care and the other half told it has 'more important things to do'. As corporate power and its wars threaten every corner of all our lives, people everywhere have formed massive movements – to reclaim our land and our planet, and to stop the theft (via privatisation) of water, seeds, genes

. . . The Global Women's Strike, women's independent voice in this great movement, reclaims military spending for caring, feeding, healing, learning.

STRIKE FOR:

A world which values all women's work and all women's lives.

ОСТАНОВИТЬ МИР И ИЗМЕНИТЬ ЕГО! ЗАБОТИТЬСЯ, А НЕ УБИВАТЬ!

Всемирная женская забастовка началась в 1999 году, когда женщины Ирландии решили встретить новое тысячелетие всеобщей национальной забастовкой. Они обратились за поддержкой к "Международному Движению за оплату работы по дому", а мы 8 марта 2000 года призвали женщин всего мира превратить Забастовку во всемирную.

Прежде предполагалось, что "настоящие" рабочие - это те, кто выполняет оплачиваемую работу, главным образом, мужчины, и лишь они могут изменить мир. "Международное движение за оплату работу по дому" отказалось от подобного сексизма и на этой новой основе стало самостоятельно организовывать и объединять различные группы.

В нашей деятельности подчеркивается, что оплачиваемая работа женщин - это их вторая работа; то, что мы делаем в семье и обществе без оплаты, производя на свет всех работников всего мира, и наше стремление изменить мир - все это остается невидимым, но, тем не менее, главным.

С тех пор мы проводим кампании за ПРИЗНАНИЕ и ОПЛАТУ всей неоплачиваемой женской работы, а также за РАВНУЮ ОПЛАТУ - это мощные рычаги в борьбе против женской бедности, эксплуатации и всех видов дискриминации.

По данным ООН, женщины выполняют 2/3 всей работы - от кормления грудью и взращивания детей до ухода за больными, престарелыми и инвалидами, от выращивания продуктов питания, их сбора, подготовки и приготовления еды для семей во всем мире и работы как в неправительственном секторе (уборщицы, модистки, разносчицы, секс-работницы), так в государственных организациях. И здесь опять чаще всего женщины заботятся о других - в больницах, школах, в качестве домашней прислуги, личных секретарей, присматривают за детьми... Или они работают на таких предприятиях, где получают гроши. Но и здесь женщинам платят еще меньше, к тому же они часто подвергаются сексуальным домогательствам и расовой дискриминации. Несмотря на то, что во всех странах такая работа является основной, и жизненно необходимой для человечества, она обесценена и игнорируется на мировом рынке.

УСЛОВИЯ ЕДИНСТВА:

Нам часто говорили, что для победы мы должны объединиться, но никто не говорил, как это надо сделать (за исключением политических партий, которые хотят руководить нами). Мы используем Забастовку как структуру объединения: объединения разных женских групп, женщин и мужчин, объединения внутри страны и различных стран, потому что Забастовка основана на принятии каждой группой независимой борьбы других групп и взаимного обмена опытом. Забастовка - не политическая партия, и не сепаратизм. Она выдвигает на первый план стремление достичь перемен, и отвергает личные амбиции, подрывающие взаимную ответственность.

Всемирная Женская Забастовка вышла за рамки совместных ежегодных акций, приуроченных к 8 марта. Теперь это глобальная сеть, укрепляющая повседневную борьбу женщин (и мужчин). Забастовка утверждает, что раз мы заботимся о других, мы - РАБОЧИЕ (пусть наш труд и не оплачивается) и в наших силах остановить всю мировую экономику. Именно это сделали женщины Исландии 24 октября 1975 года. Они сказали: КОГДА ЖЕНЩИНЫ ПРЕКРАЩАЮТ РАБОТАТЬ, ВСЕ ОСТАНАВЛИВАЕТСЯ. Мы добавляем: ОСТАНОВИТЬ МИР И ИЗМЕНИТЬ ЕГО.

Сельма Джеймс и Нина Лопес, 17 января 2004 at [www/globalwomenstrike.net](http://www.globalwomenstrike.net)

ТРЕБОВАНИЯ ЗАБАСТОВКИ:

- Оплата любой работы по уходу -- в виде зарплаты, пенсий, земельных наделов и из других источников. Что может быть ценнее воспитания детей и заботы о других людях? Надо вкладывать средства в жизнь и благосостояние, а не тратить на войны и тюрьмы.
- Равная оплата на мировом рынке для всех - женщин и мужчин.
- Гарантия обеспечения питания для всех, начиная с матерей, кормящих грудью. Оплачиваемые декретные отпуска, перерывы на кормление младенцев и другие привилегии: хватить наказывать нас за то, что мы - женщины.
- Не выплачивать "Долг Третьего Мира". Мы никому ничего не должны, это нам задолжали.
- Доступные чистая вода, здравоохранение, жилье, транспорт, образование.
- Экологически чистые виды энергии и технологии, сокращающие время работы. Нам нужны эффективные плиты для приготовления пищи, холодильники, стиральные и посудомоечные машины, компьютеры и свободное время!
- Защита от всех видов насилия и преследования, включая насилие со стороны членов семьи и властей, а также убежища в случаях проявления насилия.
- Свобода передвижения. Капитал перемещаются, не зная границ. Почему этого не могут делать люди?

Labor and work, as well as action, are also rooted in natality in so far as they have the task to provide and preserve the world for, to foresee and reckon with, the constant influx of newcomers who are born into the world as strangers. However, of the three, action has the closest connection with the human condition of natality; the new beginning inherent in birth can make itself felt in the world only because the newcomer possesses the capacity of beginning something anew, that is, of acting. In this sense of initiative, an element of action, and therefore of natality, is inherent in all human activities. Moreover, since action is the political activity par excellence, natality, and not mortality, may be the central category of political, as distinguished from metaphysical thought

Hannah Arendt

Труд и производство укоренены в рожденности, так же как и поступок, в той мере, в какой они направлены на обеспечение и поддержание общего мира, в который постоянно прибывают пришельцы, рождающиеся в мир чужаками. Однако из этих трех видов деятельности, поступок теснее всего связан с рожденностью как человеческим состоянием. Новое начало, заложенное в рождении, делается ощутимым в мире только постольку, поскольку новоприбывший обладает способностью начинать что-либо новое, то есть поступать. В этом смысле инициативы, элемент поступка присутствует во всех видах человеческой деятельности. Более того, поскольку поступок есть политическая деятельность par excellence, то рожденность характеризует политическую мысль, в то время как состояние смертности определяет мысль метафизическую.

Ханна Арендт

Специальный выпуск газеты “Что делать?” | Special issue of newspaper “Chto Delat /What is to be done?”
идея и реализация: ФНО (Фабрика Найденных Одежд) - Глюкля & Цапля и Дмитрий Виленский
idea and realisation: by FFC (Factory of Found Clothes) - Gluklya & Tsaplya and Dmitry Vilensky

This issue is realised in a framework of the exhibition “Becoming a mother” that took place at Botkyrka Konsthall from 24 November 2007 till 1 March 2008 with the support from Labyrint Press and Swedish Institute

Авторы номера: Цапля и Дм. Виленский | Иоанна Санделл | Марина Вишмидт | Анн Трегде | Мария Фриберг | Анна Роткирх, Анна Темкина и Елена Здравомыслова | Мари Силкеберг | Precarias a la Deriva | Елена Гапова | Каролине Мальстром | тексты к всемирной женской забастовке

authors of this issue: Tsaplya & D. Vilensky | Joanna Sandell | Marina Vishmidt | Anne Traegde | Maria Friberg | Anna Rotkirch, Anna Temkina and Elena Zdravomyslova | Marie Silkeberg | Precarias a la Deriva | Elena Gapova | Caroline Malmstrom | materials on the Global Women’s Strike

благодарность: всем художникам, авторам, переводчикам и друзьям, поддержавшим это издание
many thanks to: all the artists, authors, translators and friends who supported this publication

редакторы / editors: Давид Рифф и Дмитрий Виленский / David Riff and Dmitry Vilensky
дизайн и набор / lay-out: Виленский и Цапля / Vilensky and Tsaplya

комикс и картинка для обложки / cartoon and cover image: Глюкля (Наталя Першина) / Gluklya (Natalya Pershina)

переводы / translations: Сергей Огурцов | Sergey Ogurtsov /// Давид Рифф | David Riff

Состав рабочей группы “Что делать?” /// The members of the workgroup “Chto delat?” include: Глюкля | Gluklya / А. Магун | A. Magun // Н. Олейников | N. Oleynikov // А. Пензин | A. Penzin // Д. Рифф | D. Riff // А. Скидан | A. Skidan // О. Тимофеева | O. Timofeeva /// Цапля | Tsaplya // К. Шувалов | K. Shuvalov /// Д. Виленский | D. Vilensky

Платформа «Что Делать?» - это коллективный проект, создающий пространство взаимодействия между теорией, искусством и активизмом. Работа платформы осуществляется через сеть коллективных инициатив в России и их диалоге с интернациональным контекстом. Деятельность платформы координируется одноименной рабочей группой.

Founded in early 2003 in Petersburg, **the platform “Chto delat?”** opens a space between theory, art, and activism. It is a collective initiative that is aimed at creation and developing a dialogue of different positions about politicization of knowledge production and about the place of art and poetics in this process.

подробности на сайте | see more at www.chtodelat.org /// contact: info@chtodelat.org / dvilensky@yandex.ru

информационный листок отпечатан в типографии ООО “Фирма Курьер”, тираж 3000 заказ №89

